Метро 2035: Черноморье

Автор:
Виктор Лебедев

Метро 2035: Черноморье

Виктор Робертович Лебедев

МетроВселенная «Метро 2033»Дух свободы #3

К супертанкеру, севшему на мель посреди Черного моря, течением приносит разбитую лодку с обломанной мачтой. Жители Черноморья обнаруживают на палубе едва живого человека, вытаскивают его на берег и приводят в чувство. Кто этот таинственный незнакомец и что он делал в море – неизвестно. Похоже, что мужчина и сам не знает, кто он и откуда…

Содержит нецензурную брань.

Виктор Лебедев

Метро 2035: Черноморье

© Глуховский Д. А., 2019

© Лебедев В.Р, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

***

Последняя Война стерла с лица земли города и страны, уничтожила целые народы и загнала горстки выживших в катакомбы и бункеры. Два десятилетия они цеплялись за жизнь там, под землей, не имея надежды и отваги вернуться наверх: об их борьбе написаны десятки книг, которые вышли в книжной серии «Вселенная Метро 2033», мировой легенде постапокалипсиса.

Но в 2035 году все изменится. Настанет время выбраться из лабиринтов метро. Настанет время встать с колен и снова посмотреть на небо. Время взять в руки оружие, чтобы отвоевать мир, который когда-то принадлежал человеку… Но поодиночке мы не сумеем вернуть его себе. Мы должны объединяться – или сгинуть насовсем.

***

Где только не пытаются выжившие наладить подобие жизни… Бункеры, туннели, степи и горы. Водная стихия не осталась без попыток обустроиться и на ней. Черноморье – микрогосударство из нескольких севших когда-то на мель посудин. Но уединиться посреди моря его жителям не удастся. Тайная Канцелярия поручает одному из лучших киллеров-профи добраться до лидера Черноморья. А дальше настанет черед – природной и человеческой. Их мощь и напор завораживают до самой последней страницы.

Дмитрий Глуховский

Пролог

Соленые волны разбивались об остроскулые обводы швертбота, взметая в тяжелый, насыщенный озоном воздух тучи брызг, оседавших на вытянутом парусе и обветренном лице капитана утлого суденышка. Заостренный нос вспарывал воду, деревянная мачта скрипела и постанывала, серо-грязные грот и стаксель полоскались на порывистом ветру.

Погода испортилась окончательно и бесповоротно. Раннее утро не предвещало ничего подобного, но на то оно и море – у стихии свои законы и правила. И ей плевать на жалких людишек. Небо хмурилось и чернело на глазах, ветер крепчал, свистел, огибая мачту, гнал волну на посмевшего бросить вызов морским богам.

Мужчина сидел на корме у руля и с тревогой вглядывался в горизонт: не показалась ли впереди столь спасительная цель его путешествия. Но уже не было видно ни зги – только сплошные буруны, черные от наливающегося смолой неба волны и беспокойные всплески хвостов подводных обитателей. Хищники, еще недавно молчаливо сопровождавшие швертбот, уходили на глубину, чтобы переждать разгул стихии.

Корпус натужно трещал от буйных морских ласк, и стоило немалых усилий удержать лодку на правильном курсе. О возвращении назад и речи быть не могло – буря вот-вот разразится, а на открытой воде сладить с ней проще, чем вблизи от берега, где швертбот просто размажет о прибрежные камни. Да и при всем желании не успеет он добраться до заветного берега.

Сохранность водного средства передвижения зависит исключительно от умения капитана и экипажа. Мужчине, управляющему сейчас небольшой парусной лодкой, опыта было не занимать. Следовало как можно быстрее спустить парус, иначе сильный ветер просто изорвет парусину или даже сломает мачту. А швертбот капитан знал как свои пять пальцев, он лично смолил эпоксидкой обшивку корпуса, устанавливал мачту и укреплял балласт из мешков с песком у киля. За плечами мужчины был не один десяток походов по суровому, кишевшему всяческими подводными гадами Черному морю.

Еще полчаса назад, когда небо принялось сильно хмуриться, а ветер на несколько минут неожиданно стих, капитан распознал приближающуюся грозу. А затем одинокий швертбот стал внезапно одним из участников театра боевых действий, пешкой, брошенной брезгливой рукой судьбы на поле, разменной монетой, готовой погрузиться в черную бездну.

Спустить и привязать паруса не составило большого труда. Беспокоило стремительно приближающееся шквальное облако с рваными краями слева по курсу – встреча с ним не сулила ничего хорошего. Теперь, когда не приходилось рассчитывать на прогноз погоды по телевизору, некому было предупредить заранее о надвигающемся бедствии! Признаться, и раньше такие прогнозы не отличались большой точностью, а сейчас о грозящей буре можно было судить лишь по внешним характерным признакам, зачастую обманчивым в выжженном мире. А признаки эти капитан увидел вполне отчетливо – темная рябь на воде явно намекала, что облако не пройдет мимо, а во время недавнего краткого затишья до слуха мужчины отчетливо долетел отдаленный шум поднимающегося ветра. Тягуче-тяжелые капли с неба тоже говорили о возможном затяжном характере приближающегося шторма. Как там, в старой пословице? Дождик раньше, ветер вслед – жди от шквала всяких бед?

И мужчине даже на мгновение привиделось, как показалась из облака туманная, нечеткая раззявленная пасть с жуткими клыками, намеревающаяся заглотить путника, так неудачно выбравшего момент, чтобы выйти на парусном швертботе в открытое море. Капитана пробрал озноб, а волосы на затылке зашевелились, даром что давно намокли от соленых брызг. Он потер глаза, но видение уже исчезло, оставив после себя неприятное послевкусие глубоко в душе.

Чернеющий вал клубился совсем рядом, счет шел уже на минуты. Темная масса готовилась сожрать небольшую лодку, проглотить и выплюнуть к берегам, потерявшимся в сизо-угольной, практически непроницаемой дали. Суждено ли ему выбраться из стремительно сгущающегося сумрака, или дневного света мужчина больше никогда не увидит?

Рука капитана нащупала на поясе бесполезный сейчас кукри. Когда перед тобой нематериальный противник, стихия или аномалия – обычное оружие не поможет. Уж лучше бы он сейчас встретился с бандитами Джубги, каким-нибудь зверем в холмах Краснодарского края или жуткими созданиями побережья – на этот случай действия отработаны уже до автоматизма, и слабые места зверушек давно известны. Нет, это вовсе не значит, что он обязательно вышел бы победителем из схватки, но врагу можно было бы хоть взглянуть в глаза. А тут смотри не смотри – толку-то. Только глаза слезятся. Там, вдали, на грани видимости он заметил протянувшиеся из облака к воде, меняющие направление еле видимые нити. Смерчи, стало быть. Не хватало еще попасть в зону их разрушительного действия. Швертбот точно не выдержит. Но они были далеко, и сложно было определить сейчас, в каком направлении они движутся. Капитан

помнил, как однажды один такой смерчик вытащил из воды и выкинул на берег причудливого водного обитателя, громадную морскую звезду с клювом-пастью посередине туловища и россыпью бусин-глаз на отвратительной морде. Зверушка еще долго извивалась, и ребята с Базы не решались подойти, чтобы ее прикончить, пока отсутствие воды не сделало свое дело.

Лодка качнулась сильнее – волнение понемногу усиливалось. Сиротливая мачта, царапавшая темное небо, обиженно скрипнула в ответ. В народе говорят, что новый морской бог, которого разбудили раскаты третьей мировой, редко проходит мимо черных душ. Капитан сплюнул с досады – раннее утро ведь никаким образом не намекало на шторм. Погода начала портиться, только когда он уже был далеко в открытом море.

Сейчас ветер выл, как проголодавшийся волчара в южных степях. И все более остервенело набрасывался на трещавшую по швам лодчонку. Дождь и брызги уже сократили видимость до полумили, а то и еще меньше. Капитан в очередной раз пробежался глазами по палубе – закрыты ли все люки, закреплены ли рукоятки лебедок, проверил на прочность страховочный пояс, подергал потертый трос, которым привязал себя к креплениям. Волны становились все выше, вот уже одна перекатилась через лодку, и мужчина едва не поскользнулся, лишь в последний момент устояв на ногах. Скорее по привычке, чем по нужде, сверился с показаниями бесполезного сейчас барометра и кинул взгляд на забрызганную карту в прозрачном полиэтилене. Сражение со стихией обещало быть продолжительным и суровым.

Он лишний раз убедился в правильности решения убрать паруса и дрейфовать под рангоутом – в отсутствие команды управлять швертботом класса «Скат» в шторм сложно, есть немалый риск завалить лодку. А когда мачта голая, то проще занять естественное положение относительно негостеприимных волн. Но это в теории, на практике же, как известно, зачастую получается по-другому. Это уж какие судьба выкинет коленца, даром предвидения капитан не обладал. Нехитрый плавучий якорь из грубой парусины с буйком болтался сейчас в нескольких метрах от лодки на прочном лине. Но большой надежды на него не было. Лишь бы не оторвался и не отправился в самостоятельное плавание по бурным черноморским волнам! Без него придется еще хуже.

Стоило немалых сил переложить руль на ветер, чтобы лодка не встала поперек волны – тут капитан осознал, что в борьбе с начинающимся штормом он уже

порядком выдохся. А ведь все только начинается!

Становилось все труднее – ветер сбивал дыхание, и капитан зарывался носом в ворот отсыревшей куртки, судорожно хватая ртом воздух. Руки налились свинцом, он уже не соображал, сколько времени крутит руль, борясь с волнами. Но управление лодкой в шторм требует огромных усилий, ведь если она черпнет воды, то потеряется остойчивость, и тогда пиши пропало. Каждый раз, как швертбот, опасно кренясь, взбирался на гребень очередной волны, сердце замирало, затем бухалось вниз вместе с парусной лодкой, срывалось, колотилось в стенки тесной клетки ребер. Лодка словно тоже металась в приступе паники, все менее контролируемая. А в раскатах грома звучал зачитываемый вслух приговор богов.

Уже не раз капитан заставлял себя подниматься с колен после очередной перекатившейся через лодку волны. Кажется, он что-то кричал в сгустившуюся темноту, сыпал проклятиями и тряс кулаком. Но стихия была глуха к путнику. Волны все неистовее раскачивали суденышко, удары становились сильнее и сильнее, а громовые раскаты, следовавшие за ослепительными вспышками молний, оглушали, точно разрывающиеся в опасной близости артиллерийские снаряды. Одеревеневшие пальцы с трудом цеплялись за руль, на лице застыл звериный оскал, но воля мужчины не была сломлена.

На очередной волне руки уже не сработали так быстро, как было нужно. И этого вполне хватило для того, чтобы следующая со всей силы залепила в борт суденышка. Как ни странно, швертбот не перевернулся, хотя и очень опасно накренился. Но вот мачта не выдержала – с чудовищным треском лопнуло дерево практически у основания; ставшее неуправляемым бревно просвистело в сантиметрах над успевшим пригнуться капитаном, тонкие тросы вырвало с мясом, и мачта, более ничем не удерживаемая, пустилась в самостоятельное плавание по бушующему морю.

Поток ругательств из уст мужчины подхватил ветер, заставил поперхнуться ими же, врезал в скулу россыпью острых брызг. Несколько мгновений лодка балансировала поперек волны, грозясь перевернуться и быть перемолотой пучиной, но чудом извернулась, зарылась носом в следующую волну, не такую сильную, как предыдущие, немного просела, но осталась на плаву.

Капитан посмотрел на острый огрызок мачты прямо перед ним, сплюнул со злости, перевел взгляд дальше и застыл в ужасе. Прямо по курсу росла волна невиданных доселе размеров, по сравнению с которой все предыдущие были простой разминкой. Зловеще черная, бурлящая стена на миг нависла над швертботом, будто раздумывая, пощадить несчастного или нет. Через мгновение путник понял, что у стихии нет жалости, удача окончательно развернулась спиной и удалялась стремительно по ветру – плевать ей было на жалкую человеческую душонку.

Со всей дури водная масса обрушилась на лодку, удержаться на ногах капитан уже не смог. Руль вырвало из рук, волна протащила мужчину по палубе и приложила сначала об огрызок мачты, затем о невысокий борт измученной яхты. Страховочный трос остался цел, и именно это обстоятельство не позволило несчастному свалиться за борт. Жуткая боль пронзила его тело, и, прежде чем отключиться, он заметил еще одну стремительно надвигающуюся на неуправляемую уже лодку громадную волну, в которой ему почудились серые, вытянутые и лишенные всяких эмоций лица с пустыми глазницами, в беззвучном крике раскрывшие рот. А затем последовал чудовищный удар, еще одна вспышка боли, и сознание капитана растворилось в черноте.

Глава 1

Говорящий с туманом

Легкий бриз никак не мог справиться с туманом, клочья которого облизывали ржавые борта бывшего танкера-газовоза, двадцать с лишним лет назад севшего на мель. Казалось, ядовитый туман потихоньку разъедал покрытое коррозией, тиной и буро-зелеными водорослями железо. Натуралист и не помнил уже дней без этих всепоглощающих, клубящихся серых вихров. Туман стлался низко, солнце не заслонял, лишь в считаные дни, такие, например, как сегодняшний, подбирался совсем близко к поселению, и колонисты давно привыкли, перестали обращать на него внимание. Внутри давно поселилось ощущение, что он был всегда, а вместе они – единое целое. А может, оно и к лучшему – колония укрыта от лишних любопытных глаз. Хотя не многим придет в голову искать людей посреди Черного моря. Те, кому надо, о Черноморье знали. Чужаки-османы тоже беспокоили, но с их редкими набегами пока успешно справлялись.

Натуралист пригладил торчащую в разные стороны бороду с первыми признаками проклюнувшейся седины. Борода, как обычно, не послушалась и, как сонм упругих пружинок, тут же вновь приняла прежнее положение. Вызывающе одетая и не лишенная привлекательности женщина, вытатуированная на плече здоровяка, похотливо подмигнула, когда Натуралист приложил руку ко лбу, вглядываясь вдаль и силясь что-то разглядеть. Кажется, там кружили чайки. Мужчина поморщился – не любил он этих крикливых птичек, и это еще мягко сказано. На дух не переносил, ненавидел, руки тряслись от желания рвать их на части. Но нынче сделать это было не так просто, чайка сегодняшняя чайке прежней – рознь.

– Разлетались, твари, – пробурчал он и помахал им кулаком, но на чаек это не произвело ровным счетом никакого впечатления.

Если бы не эти досадные мелочи в виде птичек, тумана и постоянной сырости, то жилось бы, в целом, неплохо. Еда была – в основном морепродукты. Жители умудрялись даже в специально отведенных местах на палубе выращивать кое-какие овощи в самодельных теплицах. Росли они плохо – мало было грунта, но кое-какие витамины людям перепадали. А еще были святая святых – подводные плантации, гордость Черноморья. Пусть и сопряжено было каждое погружение с опасностью, исходящей от морских гадов, но оно того стоило.

Натуралист снова погрозил крикливым чайкам и взглянул на запад. Там едва проступали в дымке очертания еще одного корабля, в последние месяцы навевающего ужас на колонистов. Формально это тоже была территория Черноморья, хоть и жили люди на том лайнере под названием «Азов», также много лет назад севшем на мель, обособленно, а связь поддерживали редко. Но в последнее время они перестали отвечать – ни караванов, ни птичьей почты. И веяло оттуда чем-то нехорошим, злобным, так что до сих пор не решился никто сплавать на лодке и проверить, хотя разговоры об экспедиции ходили.

Мужчину передернуло. Он не был набожным, но тут рука сама потянулась ко лбу. Перекрестился и заозирался по сторонам – не видел кто из его товарищей такого проявления слабости. Ведь он был в первых рядах тех колонистов, которые слыли атеистами.

– Не приведи душу во тьму окружающую, – невесть кому прошептал Натуралист и снова сделал безуспешную, как и всегда, попытку усмирить бороду.

Иногда на обитателей колонии накатывала тоска по твердой земле – чтобы не качало под ногами, а встать и стоять крепко. Но на его памяти еще ни один не изъявил желания вернуться на берег. Возможности были, когда они находились в более тесном взаимодействии с Южным Рубежом. Но сейчас их глава, Адмирал, старался свести это общение к нулю. И ему это практически удалось. Формально они еще считались колонией, но уже давно не отправляли на лодках столь ценные для большой земли грузы – биотопливо, водоросли и рыбу. Претила Адмиралу и его людям политика Тайной Канцелярии, ее методы, ее загребущая рука. И пусть только попробуют вернуть власть над колонией! Это на земле у них преимущество в силе и технике, а сюда еще доплыть надо, флот худо-бедно снарядить. Какой там флот? Деревянные лодки под парусами, несколько дышащих на ладан катеров. Сверху, с палубы, это просто прекрасные мишени, не более того.

Пугали не люди. Пугала неизвестность, исходящая от лайнера, пугал туман, пугали необъяснимые явления, случающиеся в колонии. Чего людей бояться? Две руки, две ноги и одна голова. А вот того, что нельзя понять, что нельзя потрогать, что находится за гранью привычного, стоит опасаться. Мужчина снова посмотрел на лайнер, почти укрытый туманом – проступал только облезлый нос судна.

– Чертовщина, – пробормотал он. – Что-то там явно случилось, мать его за ногу. Бунт, болезнь или аномалия какая пир устроила. Ну его на хер!

Звон колокола раздался неожиданно, человек подскочил на скользкой палубе, схватился за релинги[1 - Перила, поручни.], чтобы не вывалиться за борт. Поручень был в ракушках, Натуралист сморщил нос и смахнул с руки налипших моллюсков. Били склянки[2 - Бить склянку – означает бить в колокол каждые полчаса.]. Восемь склянок – восемь утра.

– Чтоб тебя, – зашептал он и присовокупил смачное ругательство. – Как будто специально выжидали! На хер, – повторил он и показал средний палец лайнеру в тумане. В той стороне пелена казалась гуще и чернее.

– Опять с туманами разговариваешь?

За его спиной нарисовался тощий малый. Выцветшая засаленная тельняшка явно не по размеру висела на нем как балахон. Новый компаньон был моложе и

выше ростом, чем Натуралист. Какой-то нескладный с виду, таких раньше еще называли оглоблями. Худое лицо с ежиком волос, выцветшими глазами и впалыми, абсолютно гладкими щеками светилось от счастья.

Натуралист посмотрел хмуро, покачал головой.

– Чему радуешься?

– Новому дню, – без раздумий выпалил оглобля. – А ты чего так рано встал?

– Не спится. – Бородатый шмыгнул носом. – Насмотришься за день на таких страхолюдин, как ты, потом кошмары по ночам мучают.

– А ты прям красавец, – беззлобно отреагировал товарищ.

Именно он прозвал мужчину Натуралистом – за то, что тот любил подолгу наблюдать за погодой, интересовался флорой и фауной. Оглоблю звали Семеном или пятым смотрящим – за его работу на наблюдательном посту. Пост находился прямо на одном из резервуаров танкера-газовоза. На поверхности сферы была сооружена вышка с лестницей, немного кособокая, но, как показало время, вполне устойчивая в любую погоду. Всего таких постов было несколько по периметру танкера, дежурили на них посменно. По стене резервуара также спускалась лесенка, ведущая на палубу.

– Вот скажи мне, Натуралист, чего ты каждый день рано утром высматриваешь вдали? Мы здесь два десятка лет торчим, или сколько там уже, разве поменялось что? Если враг придет, османы, там, или с побережья нашего кто – так на это смотрящие есть. Морских гадов тоже отслеживаем. – Семен почесал макушку, осклабился щербатым ртом.

– Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете, – буркнул собеседник в бороду.

– Вертолет? Ага, каждый день вертушки кружатся, – рассмеялся пятый смотрящий. – Покоя не дают.

– Если ты их не видел, это не значит, что их больше нет.

– Ага, ты еще мне расскажи, что дирижабли летают.

– Дирижабли? Это ты к чему? Это вряд ли. Я не специалист, конечно, но за такой махиной непросто ухаживать.

– Попроще, чем за твоей вертушкой, лишь бы баллоны с гелием или водородом были, – возразил Семен.

Натуралист пожал плечами.

– Да похер, – беззлобно ответил он. – Я уже говорил, что не спится мне, поэтому и стою здесь. Мне так спокойнее, что ли, несмотря на это блядство, – мужчина кивнул на лайнер в тумане, – как бы контролирую все, а своим органам чувств я привык больше доверять, чем чужим.

Семен тоже взглянул на лайнер, его передернуло.

– Как думаешь, – тихонько спросил он, – есть там кто живой? Говорят, Адмирал плыть туда хочет.

– Мое шестое чувство говорит, что все давно скопытились, а затея плохая, хотя есть у нас молодчики, которые приключений на жопу ищут и точно захотят сплавать.

– Посмо-отрим, – протянул Семен.

– Лучше на пост дуй, смотрящий, Ванька вон уже спускается, задолбался, видать, ждать тебя.

Ванька, четвертый смотрящий, гневно махал сверху руками. Он и в самом деле уже начал спускаться по лестнице – его смена закончилась уже минут десять или пятнадцать назад, как пробили склянки. Быть смотрящим – не такая уж простая работа, надо подмечать любую мелочь, смотреть по сторонам во все глаза. Поэтому неудивительно, что четвертый смотрящий торопился поскорее покинуть пост и нырнуть в свою каюту, вздремнуть немного в полумраке тесного помещения на лежаке с прохудившимся матрацем.

Смотрящие были практически освобождены от другой дневной работы. На посты отбирали только мужчин с хорошим зрением, способных высидеть на одном месте на протяжении нескольких часов без сна. Во время каждой смены дежурили одновременно четверо смотрящих, они контролировали друг друга каждые полчаса, подавая звук трещоткой, что у них все в порядке. Для сигналов тревоги на палубе стоял колокол, им же отбивали дневное время. Спуститься с вышки к колоколу – минутное дело. На вышках имелось и оружие. Дежурили в три смены по восемь часов – круглосуточно. Самым престижным было место на корме танкера, недалеко от рубки. Первый, второй и третий смотрящие пользовались наибольшим почетом среди своей касты. На корме и пост находился выше всех остальных, как бы уже одним этим намекая, что, несмотря на то, что смотрящие равны, некоторые равнее остальных. Оборудован главный пост был также получше других: лестница покрепче, из алюминия, площадь побольше, щели в крыше и стенках тщательнее промазаны эпоксидкой – мелочи, а приятно. Ну, и главная гордость – пулеметная установка МТПУ для особых случаев, так как патроны к ней были на вес золота.

У резервуара Ванька с Семеном горячо спорили о том, что заступать на смену стоит вовремя, как того требует устав. А не тянуть волынку и не трепаться с другими, когда пришел твой час смотреть. Ругались они уже не в первый раз, и со стороны это выглядело комично: длинная шпала Семен был выше Ваньки на две головы. Ванька вообще был молод – двадцать с хвостиком, а своей худобой издалека напоминал мальчугана. Только находясь вблизи, можно было правильно определить его возраст – этому помогала, в том числе, и козлиная бородка на остром подбородке.

Спор длился недолго – оставлять пост без смотрящего было нельзя. Ванька исчез в люке, ведущем во внутренние помещения, а Семен полез по лестнице на вышку.

Натуралист снова обратил взор к морю. Волны все так же накатывали на танкер неспешно и величаво, разбивались о корпус. О вчерашнем шторме ничего не напоминало. Да и что такое шторм для такой махины, как танкер-газовоз? Длина – под четыре сотни метров. Здоровый, тяжелый корабль: четыре огромных сферических резервуара, балласт в носовой части, рубка на корме и машинное отделение под рубкой. Редкий гость на Черном море раньше и, возможно, единственный сейчас на всю округу. Жилых мест в каютах на всех не хватило, поэтому бывшие резервуары под сжиженный газ оборудовали для людей – вскрыли оболочку, сделали входы-выходы, построили перегородки, лесенки,

перекрытия. Резервуары стали напоминать внутри улей, в сотах которого жил народ. Новичок бы сразу запутался в этом хаосе комнат и этажей. На первый взгляд – никакой системы.

Чтобы прокормить черноморцев, на небольшой барже по соседству развели теплицы в парниках, наладили производство. С нее же погружались на подводные плантации. Стояла баржа практически на одной линии с танкером. Перекинули между двумя кораблями мостик, объединили площадь. Но жить предпочитали на танкере, на баржу ходили, как на работу.

Был еще лайнер, который так пугал людей в последнее время. Многие с него перебрались на газовоз – здесь люди чувствовали себя более защищенными. Кроме того, лайнер лопнул пополам, но затонуть ему не дала мель. Поперек корпуса круизного корабля тянулась глубокая трещина шириной почти в метр. Надломленный, но не сгинувший. Катастрофа с ним случилась в день Х, когда небо озаряли баллистические ракеты с кораблей НАТО, находившихся в Черном море, и с берега, земля дрожала, и от взрывов менялся рельеф местности. Лайнер сел на банку[3 - Сесть на банку – сесть на мель.], капитаны танкера и баржи, находящихся не очень далеко от терпящего бедствие судна, в творившемся вокруг сумасшествии приняли сигнал SOS и поспешили на помощь, но сами в свою очередь сели на мель. Лайнер «Азов» находился где-то в двух километрах от баржи с танкером, поэтому связь была нечастой, но желающие остаться на нем нашлись.

Поначалу стать колонией Южного Рубежа было престижно. В обмен на товары Черноморья с побережья приходили запчасти, боеприпасы, еда. Сотрудничество было взаимовыгодным. Но со временем петля на горле колонистов постепенно затягивалась, Тайная Канцелярия требовала все больше биотоплива, так как запасы солярки и бензина таяли. Торговля превратилась в выкачивание ресурсов из колонии. И вот пришло время, когда Адмирал и его люди взбунтовались и перестали отправлять караваны на берег.

А что может сделать Тайная Канцелярия? Приплыть на лодках и начать качать права? Пока у колонистов хватало сил противостоять ей. Хотя если закончатся боеприпасы, то станет туго.

Натуралист глянул наверх. На вышке торчала голова Семена, пятого смотрящего. Он очень внимательно уставился вдаль, как будто даже привстал на цыпочках, затем выудил бинокль и поднес к глазам, по-прежнему

концентрируясь на одной точке.

Что же там такое? Бородач вытянул шею, прищурил глаза и стал разглядывать клубы постепенно тающего тумана. Бело-серая мгла шевелилась, как живой организм, плела покрывало, за которым мог спрятаться кто угодно, подойти к колонии вплотную, прежде чем его заметят.

Крик резанул по ушам, даром что Семен был в десятках метров от него. Пятый смотрящий заорал, обращаясь ко всем:

– Человек за бортом!

И пополз по лестнице вниз, быстро-быстро перебирая руками и ногами. Он торопился поднять тревогу. И в этот момент Натуралист тоже увидел: туман выплюнул обломок лодки, на котором чудом держался человек в полубессознательном состоянии, обхватив огрызок расщепленной мачты.

Глава 2

Потерпевший

В рубке заседали трое.

Андрей Викторович, или попросту – Адмирал, устало хмурился. День начался с вопросов и обещал быть неспокойным. К ежедневным заботам и проблемам добавилась новая – утром вытащили из воды чужака. Никто не признал в нем знакомого, документов никаких тоже не нашли. Пока потерпевший не приходил в себя, но осмотревший его недавно судовой врач заявил, что его жизни и здоровью ничего не угрожает. Множественные ушибы, но обошлось без переломов.

Версий было несколько, но стоило подождать, пока пострадавший придет в себя и сам все расскажет. А гадать на кофейной гуще Адмиралу не хотелось. В прошлом Андрей Викторович Сергиенко был капитаном танкера-газовоза, его рейс в порт Тамань был экспериментальным, первым для судна такого класса в

Черном море. Он же стал и последним.

Семьи у Андрея Викторовича не было, детей тоже. Всю сознательную жизнь провел он на воде. С детства мечтал быть капитаном дальнего плавания, поступил в мореходку в Питере, успешно закончил Университет морского и речного флота. Начинал с матроса, периодически повышал квалификацию и набирался опыта, так и дослужился до капитана, пройдя все ступеньки карьерной лестницы. Судьба побросала по разным уголкам, но Андрею Викторовичу это даже нравилось – хоть на мир посмотрел.

Женщины у него были. Много женщин. С кем-то отношения были долгими, но мимолетных связей было больше. Вот так и не заметил, как дожил до седин, а семьи не создал. Если бы знал, к чему приведет его последний злополучный рейс, то благодарил бы Бога заранее, что семьей не обзавелся. Родителей его давно не было в живых, потому и горевать по близким не пришлось. Все, что у него имелось – море, судно и бескрайние просторы. Все это у него и осталось. Видно, застрял посреди воды уже навечно. Капитан покидает судно последним, поэтому мысли о том, чтобы перебраться на берег, пока тут живут люди и он за них отвечает, не было.

Капитан и раньше отвечал за свою команду, но теперь количество колонистов выросло благодаря пассажирам лайнера и баржи. По сути, изменилось немногое, просто подстроились под новые реалии и обстоятельства. Ну, и профессия стала не такой уж мирной – приходилось сражаться с пиратами, выстраивать отношения с берегом. Хотя пираты были и в той жизни, до дня Х. Мировое сообщество так и не научилось бороться с этим недугом.

Андрей Викторович сделал все возможное: наладил быт, выстроил систему взаимоотношений, был справедлив, иногда суров, но в меру, проявил себя не только хорошим руководителем, но и хозяйственником. На его счастье, на лайнере нашлись инженеры, врач, на танкере, барже и круизном корабле обнаружились и механики. Со сложностями справились – худо-бедно, но выживать колония научилась. Огромный плюс был и в том, что море вокруг служило естественной преградой для многих охотников за хабаром.

Со временем на барже появились грибные и овощные плантации, был обустроен цех, где трудились механики и инженеры. Настоящим прорывом стало производство жизненно важного биотоплива из морских водорослей. На лайнере путешествовала группа инженеров, которая занималась исследованиями на

Южном побережье Крыма в начале нулевых, тогда уже в экспериментальном режиме там использовали биотопливо. Речь о массовом применении, конечно же, не шла. Лишь о наработках и заделе на будущее. Но Кардинал и Тайная Канцелярия, узнав об этом, вложились в дело. О будущем надо было начинать думать уже сейчас. И никого не смущало, что массовое производство – это утопия при нынешнем раскладе. Вот так морские водоросли стали не только пищей, богатой витаминами.

В нелегком деле обустройства колонии капитана выручали помощники и его команда, которая горой стояла за своего руководителя. Один из помощников сейчас находился в рубке. Трофимов Сергей Евгеньевич, правая рука Адмирала, смотрел на уставшее, изрезанное морщинами лицо своего капитана, на его седые, зачесанные назад волосы, обветренное, гладко выскобленное лицо, и ему казалось, что наступает время перемен. Он не мог понять, откуда это чувство, он даже не мог его точно назвать, просто на душе стало неспокойно. Будь он капитаном, выбросил бы незнакомца за борт. Зачем им в колонии чужие, лишние люди? Но он знал, что Адмирал до выяснения всех обстоятельств так не поступит.

Трофимов был примерно одного роста с капитаном, схожего телосложения, но выглядел менее опрятно: непослушные черные волосы давно не знали стрижки, лезли в глаза, из-за чего выработалась привычка постоянно их поправлять. Борода росла неравномерно, клочками, но брился Сергей Евгеньевич редко, от случая к случаю. Одежда часто была мятой, воротник и манжеты рубашки засаливались. Зато, несмотря на не слишком привлекательную внешность, помощник Адмирала обладал ясным умом, часто помогал своему боссу принять непростое решение. Случалось, что его дельные советы вовремя спасали положение.

Третьим в компании был судовой врач, Степашин Антон Владимирович, единственный на всю колонию, не считая медсестер и медбратьев по призванию без должного образования – из обычных пассажиров. Настоящий маг и волшебник, с минимумом инструментов, без современной аппаратуры поставивший на ноги и без преувеличения вернувший к жизни немало пациентов. Где-то помогали народные средства, где-то – скудный запас просроченных лекарств, выменянных ранее на берегу, а где-то – просто дикая уверенность, что «надо потерпеть, и все пройдет», которая передавалась и больным.

– Что будем с ним делать? – Адмирал глянул исподлобья на врача.

Сразу было понятно, что речь идет о недавно спасенном.

– Подождем, пока придет в себя. Сейчас он под наблюдением. Внешних признаков серьезных травм нет. Мишу к нему приставил – если буйный окажется, его быстро успокоят.

Андрей Викторович удовлетворенно кивнул.

– Думаю, скоро схожу навестить его. Дождемся объяснений и решим, что дальше делать.

– Стоит ли тратить на него силы? – Помощник Адмирала все же высказал свои сомнения вслух.

– Ну, а что ты предлагаешь, Сережа? На корм рыбам пустить?

– Склоняюсь к такому варианту, но решения ты принимаешь, ты – главный.

– Главный и отвечаю, – согласился капитан, – негуманно это, Сережа, понимаешь? Пока этот человек – не такая уж и проблема для нас. Лежит себе тихо, никого не трогает, лекарств на него не тратим. Дай бедняге шанс высказаться хотя бы.

– И я не позволю, – вмешался врач. – Я клятву Гиппократа давал и пока еще ей следую. Вот покинет он на своих двоих палату, тогда делайте что хотите. А сейчас я за него отвечаю.

– Ладно, поглядим. Антон, Сергей, вы там к нему посторонних не пускайте на всякий пожарный. Пусть на карантине посидит, скажем так.

– Миша справится, я уже предупредил его.

– Вот и славно. Сереж, давай через полчасика сходим в палату, составишь компанию?

Первый помощник согласился. На том совещание и закончили.

Адмирал еще постоял какое-то время, поглядел из рубки на успокоившееся со вчерашнего дня море, на медленно рассасывающийся туман. Тяжелый взгляд упал на лайнер, Андрей Викторович кивнул своим мыслям, соглашаясь. Затем сел в свое кресло, достал из ящика недокрученную сигарку из табака с побережья немного южнее Краснодарского края, взял широкий нож и принялся методично крутить ароматно пахнущие листья, придавливая их плоским лезвием. Это помогло ненадолго отвлечься.

– На османа не похож, говоришь? – Натуралист мотнул головой на люк в палубе, ведущий вниз, в помещения.

– Да какой там осман! Видно же породу сразу, – ответил Семен.

Пятый смотрящий склонил голову набок.

– Куда же он плыл на лодке-то, интересно? – вопрос был риторическим, ответа не требовал, Натуралист и не собирался отвечать. В его голове крутились похожие вопросы.

Во всяком случае, это событие. Между набегами пиратов нечасто что-то случается. А как караваны перестали ходить, так и вовсе замкнулись черноморцы в своих владениях, рутина вылезла на первый план.

– Первый помощник просил особо не трепаться о нем, слухи не распространять, – вполголоса заметил Семен.

Они стояли примерно там же, где и утром. За бортом с протянувшимися вдоль него релингами накатывали волны, пенились, шипели, булькали; воздух смешивался с водой на поверхности, и она пузырилась от возмущения. Ближе к вечеру стало холодать – лето еще не наступило. Солнце висело довольно высоко, еще не закатилось в воду.

– А мы разве распространяем? Нет. Мы – свидетели, ты увидел человека, я помогал его вытащить, бакштов[4 - Бакштов – трос, который выпускают за корму

стоящего судна. К нему привязываются обычно лодки, катера.] спускал за корму. Что теперь, поговорить об этом нельзя?

– Просто не все в курсе.

– Мы-то в курсе.

– Может, рыбак? – также вполголоса спросил Семен.

– Может. Вчера шторм был, мог утащить его в море. Судя по обломкам, там обычная одномачтовая лодка и была.

– Тогда не повезло бедняге.

Натуралист хмыкнул.

– Ну, это как сказать. Не повезло, что попал в шторм. Это с одной стороны. Выжил, победил в борьбе со стихией – это с другой стороны. Две стороны одной медали.

– Философ, бля. Выжить и победить – это не одно и то же. Просто отсрочил смерть. Еще непонятно, жилец он или нет.

Возразить Натуралисту было нечего, или он просто не захотел.

Колокол бил долго и протяжно. Сразу было понятно, что не склянки отбивают. Явно тревога. Уже вечерело, и солнце касалось воды, окрашивая ее в багряные тона. От солнца к кораблю протянулась дорожка, словно указывая путь. И именно со стороны солнца пришли нападавшие. Возможно, они руководствовались тем, что смотрящие, глядя на солнце, не сразу распознают беду – лучи будут слепить. Но на то они и смотрящие. Вовремя заговорил колокол, предупреждая об опасности, успели организовать оборону, развернуть стволы пулеметов, ощетиниться ружьями и гарпунами. Спрятаться за анкерками[5 - Анкерок – бочонок, в котором хранят пресную воду или другую жидкость, припасы.]на палубе, за щитами из листов металла и надстройками.

Из рубки глядел в бинокль Адмирал, рядом в напряжении застыли помощники.

– Три, – насчитал глава Черноморья. – Не густо, отобьемся.

По морю скользили три ладьи, заходя с запада. Уже стало слышно, как тихо лязгает металл – пираты готовили оружие. Во время подобных набегов они опустошали деревеньки на побережье, а если собирали силы побольше, то нападали на порты, утаскивая добычу и пленников. Пираты приходили с запада и с юга. В основном это были малые группы – они никак не могли объединиться в одну грозную силу, поэтому часто их атаки отбивали без особого труда. Но пираты приходили снова и снова, подобно морской волне, разбивались о защиту и уходили зализывать раны.

– Передай на вышки, чтобы пока не открывали огонь из пулеметов, – попросил Адмирал одного из своих помощников, и тот убежал отдавать приказ.

– Просто шальные залетели, что ли? – удивился Андрей Викторович.

Первый помощник пожал плечами.

– Возможно, шли к берегу, а натолкнулись на нас.

– Ну, мы, блядь, сейчас покажем им кузькину мать, – прошептал Сергиенко.

Ладьи шли под парусами – кроваво-черными, с какими-то рисунками. Дружно работали гребцы. На носу возвышались, словно статуи, фигуры охранников. Вдоль бортов лодок затаился разномастный сброд, именующий себя пиратами, вооруженный чем попало. Уже готовились веревки и крючья, хищно скалились смуглые бородатые лица с черными как смоль волосами.

– Гарпуны! – зычно крикнул из рубки Адмирал. – Огонь!

ПО цепочке передали команду. Защелкали взводимые механизмы, обмотанные ветошью, пропитанной в масле, запылали наконечники. Миг – и небо расчертили огненные следы, наконечники увязли в дереве двух ладей. Заулюлюкали пираты, крючьями выдирая из дерева объятые пламенем стрелы, ведрами залили огонь. Но уже навстречу летели новые, раздирали обшивку лодок, вязли

глубоко в палубе или бортах. Следом засвистели арбалеты – болты выкашивали опрометчиво высунувшихся над бортом османов.

Ответный огонь не заставил себя ждать. В борт полетели стрелы, рикошетя от металла. Одному из защитников угодило в плечо, крик смешался с отборной руганью, раненого тут же оттащили подальше товарищи. Тем временем одна из ладей сблизилась с левым бортом. Натуралист осторожно выглянул из-за щита – внизу под ним несколько оскалившихся морд раскручивали веревки. Ждать, пока они зацепятся за танкер, черноморцы не стали. Натуралист схватил железную болванку и запустил вниз. Следом полетели еще пара-тройка от его товарищей. Несколько врагов свалились с проломленными черепами.

– Жги тварей! – заорал кто-то. С десяток зажженных стрел впилось в ладью. Огонь стал быстро распространяться по дереву – затушить нападавшие не успели.

Остальные две ладьи развернулись и уплывали в закат, оставив своих товарищей с третьей лодки умирать в огне.

– Обошлось без жертв, – доложили Адмиралу в рубку.

Тот удовлетворенно кивнул. Но лицо оставалось хмурым.

– Зачастили, твари, – покачал он головой. – Похоже на случайных, залетных. Но они могут вернуться с подкреплением, – бормотал он.

– Один раненый, – сообщили главе Черноморья. – Средней тяжести, состояние удовлетворительное, на ноги поставим.

А на палубе облокотился на щит Натуралист и впервые подумал, что он уже стар для таких приключений.

Адмирал и первый помощник смотрели на бледного мужчину, лежавшего на койке в палате.

«Была ли связь между нападением сегодня и этим человеком? – думал капитан. – На пирата не похож, но вполне может быть наемником». Но чуйка подсказывала ему, что все не так просто. «А вдруг он, наоборот, сбежал от них?» Вопросы роились в голове Адмирала, загадки он не очень любил.

Спасенный молча смотрел на них, наморщив лоб. Он пришел в себя не так давно, возможно, его привели в чувство сигнал тревоги и возня на корабле. Адмирал с помощником спустились сюда сразу же, как им доложили. Несмотря на то, что борьба со стихией отняла много сил, их гость выглядел крепким мужчиной. При нем нашли только нож с изогнутым лезвием – кукри. Другого оружия не было. Но и нож забрали от греха подальше.

Короткие волосы с проседью, двухнедельная или около того борода, пронзительно синие глаза, скуластое лицо. Явный славянин по всем признакам. Он глядел на главу Черноморья удивленно, но взгляд его не был затравленным. По рукам мужчины можно было сказать, что он знал, что такое труд. То не были руки изнеженного помощника Кардинала, который работал в пыльном кабинете с бумагами. Возможно, то были руки моряка. Или портового рабочего. Или механика. Мозолистые руки мужика.

Когда молчание стало тяготить, Адмирал первым его нарушил.

– Андрей Викторович, – представился он.

Но в ответ не прозвучало ничего, мужчина на койке сильнее нахмурился, заерзал. Миша, здоровый санитар, стоявший в дверях, сделал шаг вперед, готовый скрутить пациента, если от него станет исходить угроза для главы Черноморья. Адмирал заметил его движение, остановил санитара взмахом руки.

– У нас, в человеческом обществе, принято представляться в ответ, – мягко сказал он. – Кто же ты? Как зовут? Зачем ты здесь?

Пациент заволновался сильнее, переводя взгляд то на Адмирала, то на его помощника, озирая тесную комнатушку, в которой он находился.

– Ну? – с нажимом спросил Трофимов.

Мужчина уставился на него и наконец произнес:

– Я… Я не знаю… Не помню.

Глава 3

Жизнь продолжается

– Серьезная травма головы, как следствие – амнезия, – сухо докладывал Степашин, – ушибы, ничего критичного. Поставим на ноги быстро, вернется ли память, не берусь судить.

– Понятно. – Андрей Викторович поморщил лоб. – Уверен, что не прикидывается?

– Уверен, – после секундного промедления ответил Антон Владимирович, – опыт позволяет об этом судить. Тут не только симптомы, но и реакция на окружающее. Даже актер МХАТа бы так не сыграл.

– Ладно. Будем наблюдать за ним, значит. Не люблю, когда нет информации. Отсутствие новостей – хуже не придумаешь. Антон Владимирович, если будут изменения, доложите сразу. Даже незначительные.

Степашин кивнул и бодро зашагал к выходу из рубки.

– Что думаешь? – Адмирал повернулся к Трофимову.

Сергей Евгеньевич пожал плечами.

– Ты мое мнение знаешь, оно не изменилось, – отчеканил первый помощник.

– Знаю, – вздохнул Сергиенко, – и не могу принять. Пусть выздоравливает, если не вспомнит ничего, предложим два варианта – отправиться на берег или остаться у нас. Надеюсь, он хоть что-то умеет делать.

– На чем отправим? Отдадим одну из наших лодок, так они нам самим нужны. А караваны давно не ходят.

– Придумаем, – махнул рукой Андрей Викторович.

В голове вот уже несколько недель был мутный туман. Снаружи, за бортом – туман, и внутри то же самое. Он не помнил ничего из прошлого, вся его жизнь исчислялась десятками дней, с того момента, как очнулся в койке на застрявшем в Черном море танкере. Вроде и помнил названия предметов и явлений, но собственную жизнь забыл. Будто и не было ее вовсе. Врач объяснял, что при амнезии могут блокироваться определенные участки памяти, отвечающие за то или другое, но для него все, начиная с рождения и заканчивая тем, как он попал на танкер-газовоз, было таким заблокированным участком. Тяжело оказаться чужим в чужом месте, но, как сказал тот же врач, был в нем стержень.

– Память может вернуться, – обнадежил Степашин, – пока просто приходи в себя, осваивайся.

Схватывал он все быстро, изучил, как устроена колония, иерархию и взаимоотношения, не удивили ни третья мировая, случившаяся не так давно, ни расплодившиеся мутанты. Просто принял к сведению.

Чужака на Черноморье не все тепло приняли. Кто-то чурался, обходил стороной, кто-то бухтел вслед о лишнем рте, а кому-то было все равно, и он мог даже потрепаться с новичком колонии. Происходило то же, что и с любым новеньким в незнакомом обществе. А чужаку было все равно, только знания впитывал как губка.

Сначала доверяли ему несложную и рутинную работу – очистить релинги от ракушек и налипших водорослей, прибраться на палубе или в рубке, потрудиться помощником в цехе – в основном подавать инструменты, передвигать грузы и тяжести. Ни разу не было слышно от него недовольства по этому поводу, просто шел и молча делал.

Однажды вышла из строя грузовая лебедка на барже, одному бедняге дико не повезло – он стоял прямо под стрелой, которая тянула две плиты. Груз рухнул с высоты пяти метров и размазал рабочего. Чужак все это видел и сразу кинулся

на помощь, но шансов спасти беднягу не было совершенно. Смерть наступила мгновенно. Новенький осмотрел механизм лебедки и молча взялся за работу, сам удивляясь, откуда у него эти познания. Трудился до вечера, но заменил скобы, блоки, с помощью других рабочих поставил нормальный противовес.

На следующий день его снова пригласили в цех. Простую работу уже не давали, а предложили перебрать мотор от лодки и посмотреть, что в нем не работает. Сначала чужак находился в растерянности и не понимал, что делать. Но затем руки сами взялись за дело и привычно стали разбирать движок, перебирать внутренности механизма. На простеньком станке здесь же он выточил пару деталей, заменил негодные, смазал маслом. На следующий день мотор чихнул пару раз от некачественной солярки и завелся.

Начальник цеха благодарно похлопал его по плечу.

– Молоток! Ты точно ничего не помнишь о прежней жизни? Может, работал механиком?

Тот задумался, покачал головой.

– Не припоминаю, – и, словно извиняясь, развел руками. – Может, и работал где, привычка осталась, руки помнят что-то.

– Да, не слабо помнят, – хмыкнул довольный начальник цеха, – я поговорю с Адмиралом, будешь теперь на постоянке у меня, мне толковые люди позарез нужны. Как же мне тебя звать? Может, придумаем имя, погоняло? Выбери, какое тебе больше нравится.

Чужак потер виски. Откуда-то из глубин выплыло то ли воспоминание, то ли недавний сон последних дней. Сразу стало некомфортно, пробрал озноб.

– Тю-ю-ю, Миша. А ты прокладку на цилиндрах давно менял? Смотри, у тебя ж тут антифриз течет, масло течет. Ты ж так двигатель угробишь! Поразвелось дебилов, только руль и умеют крутить, да на педали жать.

– Ган, ну откуда мне это знать? Меня и не учил никто.

– Пиздюк ты, Миша. Сам учись. Меня тоже никто не учил. В юности сами с пацанами разбирали двигатель старой «копейки», смотрели, как работает.

Миша, здоровый неотесанный детина с лицом подростка, задумчиво чешет подбородок с трехдневной щетиной.

– Ган, ты сравнил! Твое детство пришлось на довоенное время, а мое – на первые послевоенные годы, когда мне было учиться?

– Побурчать даже не дашь, – я улыбаюсь, – ладно, починим твое корыто, погоняешь еще на ней.

В чем-то Миша и прав, новое поколение немногое умеет, а передавать опыт уже почти некому. Катимся в каменный век потихоньку. Сейчас бы только шашками махать, за территорию и власть драться, а о технологиях и производстве уже и не думают. А ведь этой территории – хоть жопой ешь. Нет же, за всякий клочок грызутся, за людей, за подчиненных грызутся. Правители, блин.

– Ну, тащи сюда подъемник, буду показывать. Ничего сложного нет, опыт – дело наживное.

Миша шмыгает, кивает и идет в дальний угол гаража, возится там в хламе, гремит, матюкается. Через пять минут возвращается, волоча за собой ножничный автоподъемник. Ну, слава богу, хоть объяснять не пришлось, что это такое. Не совсем пропащий человек, поборемся.

– Инструменты-то неси, задницей чую, одной заменой прокладки дело не ограничится, заодно подлатаем, подтянем остальное. Не очень ты ее бережешь, тут на соплях уже держится все. – Я свечу фонариком, разглядывая внутренности. – Как еще бегает, удивляюсь.

«Десятка» и правда выглядит плачевно, но спасти можно, повозиться, правда, придется несколько дней, но я в «отпуске», у Кардинала было хорошее настроение, обещал не беспокоить меня пару недель. Нет ничего лучше, чем возиться с механизмами и гнать прочь всякие дурные мысли, забивая голову рутиной.

– Ган, ты дороги наши видел? Тогда чего удивляешься. Это же не внедорожник, мать твою. И лет ей уже сколько.

– Ну, так ремонтируй чаще, а не запускай. Я все понимаю прекрасно, но, еб твою мать, ты начнешь ее чинить тогда, когда тут, в движке, все в пыль сотрется. Ладно, разговоры отставить. Давай-ка поработай немного, загоняй подъемник под нее и приступай.

Миша морщит нос, совсем по-детски получается в сочетании с его юным лицом.

– Я те поморщусь, думал, я всю грязную работу делать буду? Трудись, и воздастся тебе сторицей. Что особого ума не требует, с тем и сам справишься, – я хлопаю парня по плечу, – а потом я подключусь.

Миша нехотя приступает, а я лишь тихо усмехаюсь, пока перебираю принесенный инструмент, отбирая необходимое. Когда-то отец брал меня в гараж и поступал так же – взваливал на еще неокрепшие плечи тяжелую работу, покрикивал, когда у меня что-то не получалось, – не от злобы, а скорее, по привычке, но я был только благодарен ему. За всем этим крылось нечто большее, чем желание взвалить все на плечи того, кто моложе и не сможет отказать. Это была школа жизни, в которой нужно заработать свое место под солнцем.

– Эу, ты где витаешь? – Начальник цеха пощелкал пальцами перед лицом чужака. – Слышишь вообще, что я тебе говорю?

Пелена спала, он проморгался, пожал плечами.

– А зови меня Ган.

– Ган? Это что за хрень? Такого имени не бывает. Да мне срать, как тебя звать, лишь бы отзывался. Ган так Ган, ну, и хуй с ним. Значит, сегодня поговорю с Адмиралом, завтра он закрепит тебя за мной, понял? Ты сам-то этого хочешь?

– Пусть, – неопределенно ответил Ган.

Ему хотелось побыстрее сбежать отсюда, воспоминание волновало. Или не воспоминание. Было ли с ним такое в реальности? Самовнушение? Сон или чужая история? Чем больше он думал, тем сильнее болела голова. И как ни старался, никакие новые подробности не всплывали. Если это эпизод из его прошлой жизни, то понятно, откуда он разбирается в движках.

Ладно, он подумает об этом потом. Сейчас Ган слишком устал, чтобы ворошить воспоминания, похожие на кисель. Точнее, одно воспоминание. Память поиздевалась над ним – подкинула обрывок, и гадай теперь, где это было, когда, и почему у него такое странное имя.

Спокойного вечера не вышло. Когда круг солнца коснулся воды, зазвучал сигнал тревоги.

Гул колокола резанул по ушам, отозвался в голове – боль еще не прошла толком и вновь запульсировала в черепушке. Ган потер лоб, подскочил на влажной койке. Он только-только задремал после тяжелого трудового дня. В каюте было душно, и он едва-едва смирился с этой духотой и почти привык к ней, стал уже проваливаться в небытие, когда набат выдернул из липкого сна.

– Бляха-муха. – Ган глотнул вонючей, застоявшейся воды из мятой алюминиевой кружки на тумбочке и встал на ноги. Качнуло, но он удержался на ногах.

– Давай приходи в себя, – бормотал он сам себе.

Как будто квасил сутки! Чуть не стошнило, но вовремя переключился на другие мысли. «Так, надо вылезать из берлоги на воздух». За дверью каюты тянулся узкий длинный коридорчик с рядом дверей, за которыми располагалось такое же жилье. Вообще тут обычно селили тех, кто представлял бо?льшую ценность для общества, а ему выделили сразу, потому что не хотели помещать в один из блоков, расположенных прямо в пустом резервуаре судна, или танке, как его еще называют, откуда и получил корабль свое название. Мало ли, буйный окажется, порежет там кого или драку устроит. Но ножик вернули, посчитав, что в Черноморье, если захотеть, можно любую железяку найти. Кукри удобно лежал в ладони и был единственной зацепкой и связью с его прошлым, но Гану ни о чем пока не говорил. А должен ли был говорить?

Он взял нож и вывалился из одиночной каюты в душный коридор, пробрался по нему, цепляясь за выступы и дверные ручки. А потом по лестнице – наверх, к свежему воздуху. Люк был открыт, наверное, все уже вылезли давно, кто не испугался тревоги. Последний рывок – Ган подтянулся, выбросил тело и уселся на палубе.

Вокруг царила паника, носились с оружием черноморцы, орали, на другой стороне слышался рев, танкер немного качало. Может, поэтому его мутило – от качки?

Мысль о пиратах, не первый раз нападающих на закате, растаяла без остатка, когда Ган собрался с силами и обежал один из резервуаров. Там, зацепившись за борт, качалось нечто, отдаленно напоминавшее осьминога, только более бесформенное. Шлепали по палубе отростки – мерзкие, желейные, оставлявшие смрадный след. Еле уворачивались от них черноморцы, отпрыгивали в стороны. Стрелы гарпунов вязли в студенистом теле, сверху командовал Адмирал, уже расчехляли и разворачивали МТПУ. Рядом с Ганом с противным звуком врезалось в стену тело моряка, он глянул – помогать было уже бесполезно, бездыханный черноморец с переломанными костями сполз на палубу, на лице застыла гримаса боли. Рука еще цеплялась за железный прут – Ган с трудом разжал пальцы, подбросил арматуру, прикинул вес. Затем перевел взгляд на спрута. Тот щелкал клювом в десяти метрах, одно из щупалец уже подбиралось к человеку, тыкалось во все подряд на палубе, сшибало анкерки, разбрасывало сложенные в углах канаты.

– На, сука! – Импровизированное копье засвистело в воздухе, описало дугу и с чавканьем вошло в единственный фасетчатый глаз над клювом. Вышло хорошо, Ган сам себе удивился. «Копьеносец, бля». Клюв раскрылся в утробном крике, полетела слизь, забрызгала рядом стоящих. Черноморцы уже вовсю работали баграми – спихивали мерзкое тело спрута в воду, тот трепыхался, норовя захватить кого-то с собой, но на сегодня смерть забрала уже достаточно жертв.

Спрут сполз в море, еще какое-то время бурлил внизу, шлепал по борту танкера, агонизируя, а потом налетела всякая хищная мелочь и принялась рвать останки твари. Внизу, в чернеющих водах, разгорался на полную катушку пир.

На палубе лежали убитые – с размозженными головами, переломанными телами. С десяток где-то, Ган не стал считать. Просто отошел немного подальше и шлепнулся на пятую точку там, где почище было. Вернулась боль, в азарте боя и

с приливом адреналина отступившая вглубь. Он не сразу заметил, как рядом присел человек, обнаружил только, когда тот осторожно тронул его за плечо.

– Спасибо, – врач похлопал Гана по плечу, – четко ты его.

– Повезло, – отмахнулся тот. – Врачи тоже участвуют в боевых действиях? – Он хмыкнул, получилось жалобно и слишком похоже на поскуливание. – Слушай, у вас тут в заначке цитрамона или другой дряни от головной боли не найдется?

– Найдется. – Степашин озабоченно посмотрел на чужака.

– Ган, – представился тот и протянул руку. – Не спрашивай, что это, прозвище, наверное. Или вообще ко мне отношения не имеет, просто память подкинула хрень и издевается.

Андрей Викторович устало обмяк в высоком кресле. Чуть ли не впервые в своей жизни он подумал, что неплохо бы сейчас оказаться подальше от всех этих кракенов, будь они неладны, пиратов и прочей гадости. Как будто на дворе средневековье какое, хотя водились ли кракены в Средние века, он не знал.

«А этот найденыш оказался полезным малым, – подумал он. – Начальник цеха хвалил и просил к себе пристроить, а сейчас с этим дерьмом разобрался. Все же ошибался в своих предчувствиях первый помощник. Если бы было что темное за душой у человека, то у него было полно времени и возможностей это темное вытащить наружу».

Им отчаянно не хватало технарей – таких, чтобы руки росли из нужного места. Все-таки пассажиры лайнера в большинстве своем не были инженерами, механиками, ремонтниками и прочими полезными сейчас людьми. Они, конечно, многому научились – захочешь жить, не так крутиться начнешь, но все же. «Если выразит желание, надо ему показать нашу лабораторию, где биотопливо из водорослей делаем, и на ферму подводную пусть сгоняет. Такие люди нам нужны».

Ган. Это имя ничего не говорило Адмиралу, не слышал он никаких упоминаний о нем, но ведь и находился вдали от берега. И раз именно так назвался сегодня

чужеземец, значит, быть ему Ганом. Звать-то надо как-то. «Надеюсь, он не выстрелит в последнем акте в неподходящий момент»[6 - В данном контексте обыгрывается английское слово «gun», которое переводится как «ружье». «Gun» произносится так же, как имя героя.]. – Адмирал усмехнулся и потянулся к дверце, за которой скрывалась пузатая бутылочка. «Пятьдесят грамм – и спать».

Ночь выдалась звездной. Молодой месяц весело смотрел с небосвода, тучи ушли к западу, лунная дорожка прочертила путь от танкера к застывшему вдалеке лайнеру. Натуралист застыл у борта, будто древнегреческая статуя Тритона – не хватало только трезубца в руке в довершение картины.

– Чего высматриваешь? – Чужак подобрался незаметно, Натуралист вздрогнул от неожиданности.

– Хрена ли пугаешь в ночи? Крадешься, как враг, – зло ответил бородач.

– Тогда я тот враг, что на твоей стороне, тут ведь не может быть по-иному? Вместе боремся бок о бок с говном, вылезающим из черноморских глубин. Я видел, как ты сегодня храбро дрался, ты был чуть ли не ближе всех к этому монстру.

– Страх заставляет драться, я до сих пор не могу привыкнуть к этим мутантам. Ближе всех был не потому, что смелый, наоборот, больше всех боялся. Просто страху надо в лицо глядеть, а не поворачиваться к нему спиной. И во всеоружии быть.

– Часто такие твари нападают? – Ган пошарил по карманам, нет ли сигаретки. Привычка? Стало быть, он курит?

– Нечасто, тебе повезло, что увидел эту красоту. Пару раз за год, – тихонько сказал бородач.

– Ган, – чужак протянул руку, представился.

– А меня Натуралистом кличут, ну, будем знакомы. – Они пожали друг другу руки. – Так ты что же, вот прям совсем ничего не помнишь?

– Не помню, ваш лекарь сказал, что я шандарахнулся крепко головой, память и отлетела.

– И каково это – ни хрена не помнить?

– Будто родился недавно, вроде руки многое умеют, а в голове туман, как этот, – он мотнул головой на море.

Туман сейчас был не особо заметен, но он всегда находился здесь, рядом, словно караулил и выжидал чего-то.

– Так ты, можно сказать, дитя тумана тогда, я своими глазами видел, как ты на обломках лодки из него выполз, а мы роды, считай, приняли. – Натуралист улыбнулся, но картина нарисовалась мрачной, и чтобы добавить последние зловещие штрихи в полотно, он заключил:

– Туман – это плохо, не помню ничего хорошего, связанного с ним, оттуда всегда только недоброе к нам вылезало. Хочется надеяться, ты – исключение. Тем более, что сегодня здорово нам помог.

От этих слов сделалось нехорошо, и месяц уже не веселился на небе, а зло поблескивал. Казалось, стоит отвернуться, и он подденет тебя своим острым концом, вспорет живот и прошьет насквозь. И почему ночью думы тяжелее, чем днем?

– Ладно, бывай. – Бородач хлопнул по спине Гана, прощаясь. – Спать пора, тебе тоже не советую застревать здесь. Опасайся тумана.

И он ушел, шаркая ногами от усталости, а Ган смотрел вниз, на еле видимые во мраке волны, изредка искрившиеся в лунном свете, и так и не рискнул поднять глаза и встретиться взглядом с клубившейся тьмой в паре сотен шагов от него.

Глава 4

Подводная ферма

Ган и Бобр, как звали здесь местного начальника цеха за его большие, выпирающие передние зубы, бродили по помещениям баржи. В коллективе давно сложилась дружеская обстановка, почти отсутствовала субординация. Начальника можно было даже послать на хер, если было за что. Только, как правило, тут же прилетал тяжелый кулак в ответ, проверяя на прочность твою лицевую кость.

А так – никаких тебе должностей, все равны, все работают на одно общее дело. Могли и пошутить, поржать над кем-то, разрядить обстановку – не зло, по-доброму, как в огромной, дружной семье.

Хочешь поспорить и высказать свою точку зрения – приведи убедительные аргументы. Хочешь делать другую работу – докажи, что ты ее достоин, что справишься с ней лучше, чем другой. А просто потрепаться – давай лучше в перерывах или после работы. Пиздеть – не мешки ворочать.

По большому счету, баржа была одним большим цехом, разделенным на помещения поменьше перегородками. Здесь были простейшие станки, здесь ремонтировали механизмы, вытачивали детали, стрелы для гарпунов, изобреталось что-то, исходя из скудных возможностей черноморцев. А над машинным отделением расположилась лаборатория.

С нее и начали знакомство.

Фактически Бобр не был начальником для лабораторных работников, они здесь трудились сами по себе и немного обособленно от остальных. Никто их к другой работе не привлекал. Но добывание жизненно важных морских водорослей было делом общим.

Начальник цеха показал сваленные на металлических столах кучки буро-зеленых, пахнущих тиной водорослей.

– Тут ребята есть, не будем сейчас их отвлекать, они тебе расскажут, что по своим характеристикам эти водоросли превосходят другие источники энергии. В них нефтепродукты содержатся, прикинь. И это не фантастика совсем! В советское время свернули разработки, а зря. Просто посчитали, наверное, что выкачивать нефть из недр матушки-земли проще. А водоросли еще

переработать надо. Но ты все равно представь – перед нами же биодизель. Объемы только маловаты. Но нашим генераторам с жесткой экономией хватает. И даже скапливаем понемногу. Раньше почти все на берег отдавали. Люди и пространство нужны, в это все и упирается. Я тебе больше скажу. – Бобр немного понизил голос: – Видал лайнер в тумане?

Ган утвердительно кивнул.

– Сложно не заметить.

– Ну вот. Те выжившие, которые там остались, по большому счету хуи пинали. Запасы какие-то жрали, говно всякое. Ну, морепродукты тоже, конечно. Так вот, Адмирал хотел их к общему делу притянуть. Наладить и там обработку водорослей, вокруг лайнера подводных зарослей тоже полно. Но что-то случилось. Не выходят на связь.

– Одно непонятно… – Ган задумчиво поскреб заросший подбородок.

– Спрашивай, не стесняйся.

– Никак представить не могу, как вы эти нефтепродукты из них добываете. Неужели так просто?

– Непросто, конечно. Но и у нас не дураки тут сидят. Подробно, если пожелаешь, потом наши лучшие умы тебе расскажут. А я поделюсь чем знаю. Там пара установок, которые мы сумели собрать, в них ребята вызывают химическую реакцию, воздействуют на масло, которое содержат в себе водоросли. Несколько раз прогоняют этот процесс. Получают эфир и глицерин в итоге. Эфир – это и есть биодизель наш. Выход неслабый получается, кстати, почти один к одному.

Гану было удивительно слышать, что в таких условиях люди наладили хоть какое-то производство топлива. Понятно, что не от хорошей жизни, но тем не менее. Хотя человек – тварь неглупая, а приспосабливаться к обстоятельствам умел всегда. Спасенному все больше нравилась эта община, самодостаточная в своем роде, посмевшая сбросить оковы колонии и попытаться жить тем, что имеет. Он не знал или просто не помнил, что происходит на берегу, но жители Черноморья отзывались о сухопутных не очень приятно.

Бобр увидел выражение лица Гана, понял, что тот впечатлен. И решил закрепить успех:

– Так еще и этот жмых, который остается после переработки, тоже полезен. Мы его в дробилке измельчаем, сушим и спрессовываем в небольшие брикеты. Горят они знатно и долго, у нас же, как видишь, деревья тут на палубах не растут. Поэтому крутимся.

Дальше они пробежались по цеху. Инструменты и станки Гану были в основном знакомы. Где-то умудрился даже дать на ходу пару дельных советов работающим черноморцам. Те с благодарностью приняли.

– Хоть и не помнишь ничего, но вижу, технарь ты, Ган. Я сразу понял, когда заметил, как ты с лебедкой разобрался. А потом – с двигателем. Что бы там ни было в твоем прошлом, оставайся у нас.

– Разве у меня есть выбор? – усмехнулся тот. – Вплавь разве что, сомневаюсь, что меня кто-то вызовется отвезти на берег.

– Выбор есть всегда, дружище.

– Спасибо, кэп.

В четвертом или пятом по счету помещении начальник взял Гана за руку и отвел к куче похожих на инопланетные корабли приспособлений. Их овальные тела поддерживали железные ножки, крепко приваренные к массивным кругам. Часть из них лежала на боку, часть стояла – издалека же все это выглядело как огромная, беспорядочная куча хлама.

– Слышал про водолазные колокола? Такая херня сверху на тебе в виде колокола с иллюминаторами. Вот у нас нечто похожее, – Бобр показал на сваленные в углу возле верстаков или стоящие вдоль стен здоровые пузатые бочки. Размерами они были с человеческий рост, а то и выше.

– Видишь, внизу на креплениях опора? Она из металла, с утяжелителем. Мы на лебедке спускаем бочки и погружаем в воду. Они становятся на эту платформу на треноге, под ними достаточно воздуха, чтобы продержаться под водой около

часа. Единственное – ты привязан к бочке, не можешь далеко от нее отойти, то есть набираешь побольше воздуха, выныриваешь из-под нее и работаешь тридцать-сорок секунд. Затем опять заплываешь в нее.

– Это что? – Ган указал на длинные желоба с зацепами на боках бочки.

– А, сюда крепятся гарпуны. Подводные ружья. Всегда хорошо, когда есть дополнительная защита. Хоть наши подводные фермы огорожены сеткой, но мало ли.

– Много не наработаешь с вашими колоколами, только и нырять туда-сюда.

– Ну, а чего ты хотел? Кислородные баллоны давно закончились, а нужные нам водоросли растут только под водой. Наши плантации на мелком месте, метра три в глубину, но подниматься на поверхность набрать воздуха и снова нырять – нерационально. Выдохнешься быстро, и времени на работу останется меньше.

Гану пришлось согласиться.

– А почему не пробовали выращивать водоросли в бочках или цистернах с водой?

– Да пробовали – не растут, зараза. Черт знает что им нужно. И песок таскали, за который они цепляются, чего только не делали. Не приживаются. К температуре чувствительны очень.

Они прошли к стене напротив, где стояли железные шкафчики со всевозможным инструментом.

– Смотри, что еще есть, – начальник цеха показал на полупрозрачные намордники, отдаленно напоминающие респираторы. Он ловко подцепил один из них, взял очки-маску, похожие на те, что используют аквалангисты, прикрепил к одному из намордников. Затем вытащил длинный пластиковый гофрированный шланг и ввинтил в самодельный респиратор. На конце шланга имелось утолщение, напоминающее поплавок.

– Это, – он указал на приспособление, – тоже позволяет дышать под водой. Ты не привязан к бочке, спокойно ходишь по дну, обвесившись грузом, чтобы не

всплыть. Поплавок болтается наверху, на воде. Сквозь отверстия в нем через трубку воздух попадает тебе в маску, и ты дышишь. Есть одна проблема – море должно быть спокойным. Мы пока как-то больше бочкам доверяем – высадили их десант на дно через десяток метров друг от друга, и ползай, собирай водоросли. Опять же, у наших колоколов сбоку контейнер есть. Складываешь все в него и не таскаешь за собой мешок.

Экскурсия вышла познавательной. Раньше Ган работал только в одном из помещений и считал не очень правильным совать нос в другие. Ждал, когда народ доверится, пригласит. А если бы никто не позвал – значит, не фиг лезть туда, где не ждут.

Появилась пища для размышлений. Теперь он понял, почему бесперебойно тарахтят генераторы, откуда берется топливо, пусть кто-то и заикался о запасах солярки на танкере. Тем более срок годности запасов такого топлива давно должен был подойти к концу, если его не изготовили в течение последней пятилетки.

А главное, во время всей этой возни, работы в цеху отступила головная боль, мучившая его уже довольно долго. Приступы еще случались, но все реже. Ган жил все так же в отдельной каюте, теперь ее закрепили за ним как за ценным работником. Подозрения вроде бы рассеялись, но на контакт шли не все. А Ган и не настаивал. Не заставлять же местных с ним общаться. Не хотят – их дело, он и не стремился нравиться всем и вообще предпочитал больше слушать, чем говорить.

На следующий день Бобр предложил ему поработать на подводной ферме, и мужчина с радостью согласился. Новое приключение сулило опасность, но его не пугала морская пучина. Зато в толще воды не было тумана, от которого уже надоело прятать глаза.

Поутру Ган рассеянно слушал несложный инструктаж. Погружение на три метра на песчано-каменную отмель – это не в глубокую впадину нырнуть. Если что пойдет не так, всегда можно отцепить груз, оттолкнуться ногами от дна и всплыть. И люди рядом будут.

Он осмотрел бочку изнутри и снаружи, попробовал зайти в нее, присев на корточки, и выйти – остался вполне доволен. В воде будет даже проще, тело не имеет такого веса. Поупражнялся с гарпунным ружьем, правда, механизм спуска у него оказался жестким. Но после нескольких выстрелов в огрызок доски, прибитый на стену, мужчина приноровился к оружию.

За нехитрыми приготовлениями прошло время, Гану выдали подлатанный гидрокостюм, хотя большой нужды в этом и не было – стояла теплая летняя погода. Самое то, чтобы искупаться в Черном море. Вскоре вытянули лебедкой бочки-колокола предыдущей смены, работники с уловом водорослей ушли разгружаться в цех, а на смену одну за другой закинули новые бочки с запасом воздуха. Пришла их очередь. Впереди – час под водой. Ну, как пойдет.

Вода с непривычки была слегка прохладной. Прямо от баржи вниз уходила железная ржавая сетка, крепящаяся на вбитых в дно кольях или с помощью тяжелых камней, к борту цеплялись скользкие кривые ступеньки. Кромка сетки торчала над водой, спускаться возле нее надо было осторожно, чтобы не распороть себе руку или ногу об острые края. Груз, равномерно закрепленный вдоль пояса, плавно потянул ко дну, Ган отпустил поручень и позволил свинцовым шарикам увлечь себя вниз. Вода была, как кисель, казалась гуще, чем обычно. В маске видно было хорошо, он огляделся, приметил свою бочку с жирно нарисованной цифрой «5» на боку – все бочки для ревизии, а также для ориентирования под водой были пронумерованы, – и медленно двинулся к ней. Дыхания хватило, чтобы пройти по густо заросшему водорослями песчаному дну.

Бобр говорил, что водоросли растут быстро. Было ли это следствием воздействия изменившихся условий после ядерной войны или чего-то еще – никто не знал. Но за несколько дней срезанный под корень пучок водорослей практически вырастал заново. Этому обстоятельству в Черноморье были только рады.

Поднырнуть под колокол удалось со второго раза. Сначала Ган по неопытности зацепился за край плечом. Хорошо, что бочка была на металлических стойках, с утяжелителем в основании, а то перевернулась бы от его толчка, пришлось бы экстренно всплывать. Тогда путешествие на подводную ферму закончилось бы, едва начавшись.

Внутри ныряльщик немного отдышался, постоял две минуты, чтобы привыкнуть к своему временному обиталищу. Колокол немного давил малым пространством – прямо ад для человека, подверженного клаустрофобии. К счастью, Ган вообще не знал, что это за бяка такая и почему нужно бояться тесных пространств. В окошко иллюминатора виднелась голубоватая вода с плавающими кусочками водорослей – от прежней смены. Кружилась беспорядочно стайка мальков, а дно было усеяно буйно растущими, похожими на сочные стебли травы буро-зелеными водорослями. Солнечный рассеянный свет освещал пространство – глубина была небольшой. Кое-где предыдущая смена уже проредила дно, срезала часть водорослей. Но их было еще достаточно вокруг.

Ган вытащил из-за пояса самодельный нож, вдохнул воздух и отправился на первую ходку. С непривычки успел срезать только один пучок, который отправился в контейнер, притороченный к бочке-колоколу. Снова пара минут на восстановление дыхания. Он вспомнил наставления – что к ритму и процессу сбора водорослей надо просто привыкнуть, и тогда дело пойдет по накатанной. Следующие выходы оказались результативнее. Занятие было несложным, но психологически тянуло вынырнуть, подышать на поверхности, ощутить ветер на коже. Постепенно механическая однообразная работа затянула с головой – отключаешь мозг и совершенно ни о чем не думаешь. Воздух – вода – водоросли. Вселенная сузилась до нескольких метров в длину и ширину, а центром ее стала пузатая бочка с воздухом, кислорода в котором становилось меньше и меньше.

Бобр предупреждал, чтобы в первую свою смену Ган трудился без особого фанатизма – как только почувствует, что дышать стало тяжелее, пусть сразу всплывает. Тем более надо оставить силы, чтобы прицепить на крюк лебедки бочку, ведь ее еще тащить наверх, чтобы наполнить свежим воздухом для следующего работника.

Начальник цеха также рассказывал, что метод с колоколами – достаточно древний. Давным-давно даже некоторые военачальники опробовали такой способ – то ли для того, чтобы подобраться к вражескому флоту, то ли чтобы незаметно подойти к крепости на берегу. Бобр сам точно не помнил – где-то что-то читал подобное. А может, сочинил, хер его знает. Но звучало дерзко и красиво.

Контейнер был заполнен наполовину, он уже подумывал заканчивать, как вдруг во время очередного выхода заметил, как от соседней бочки ему машет рукой другой работник. Тот пытался отчаянно жестикулировать, но движения в воде

выходили плавными, похожими на непонятный танец, затем он стал тыкать, указывая за спину Гану.

Он не сразу сообразил повернуться, а когда сделал это, сердце ушло в пятки. Возле сетки в десяти метрах от него крутилась настоящая тварь из кошмаров. Внешне она напоминала здоровую рыбу, только плавников было многовато, вдоль спины тянулись костяные выросты-шипы. Глаза были на отростках, вращались как безумные, а пасть уж очень напоминала рот рыбы-удильщика, только в разы больше. Кривые зубы в несколько рядов усеяли верхнюю и нижнюю челюсти. Вот рыба заметила Гана и вильнула телом. Как будто кокетливо потерлась о железную сетку, нажала на нее, но та выдержала. Рыбе это не понравилось, она отплыла, виляя хвостом, а затем резко развернулась и бросила всю свою массу на ограду. Сетка выгнулась, принимая на себя не один центнер веса, погнулась, но спружинила и отбросила тварь.

Ган забрался в бочку и через иллюминатор наблюдал, как рыба бросается на сетку снова и снова. И только спустя время в голову пришел вопрос, почему он торчит здесь, а не всплывает и не пытается спастись на барже. Дышалось уже тяжело, от первобытного страха перед опасностью и притока адреналина он жадно нахватался воздуха из бочки, потратив почти весь запас кислорода, и теперь в глазах плыла пелена. Пора было действовать. Он медленно снял пояс с грузом, повесил его внутри бочки, зацепив за крепление. Сделал три глубоких вдоха и, присев и схватившись за нижний край колокола, резко вытолкнул тело из убежища.

Рыба неистовствовала, билась злобно о сетку, которая уже порвалась в некоторых местах. Три метра отделяли пловца от поверхности, голова гудела, в глазах стало темнеть. Он был на полпути к цели, практически на расстоянии вытянутой руки. Свежий бриз ждал его наверху, спасительный борт и крепкая палуба под ногами. В этот момент сетка не выдержала, лопнула поперек. Водная тварь рванулась в пробоину, застряла лишь на мгновение – мощное мускулистое тело продралось сквозь преграду. Острые края оставили глубокие рваные царапины на боках, но это лишь разозлило рыбу еще больше. Ган развернулся в воде и вслепую махнул ножом – мимо. Но промахнулась и рыба. Зубы схлопнулись в нескольких сантиметрах от человека, его задело хвостом и швырнуло вперед. Это его и спасло – рыба, сама того не ведая и не желая, подтолкнула мужчину к спасительным ступенькам.

Грубые руки схватили Гана и выдернули из воды. Легкие жгло огнем, он лежал на палубе и хватал ртом воздух, надышаться никак не получалось.

– Манит к тебе всяких тварей, – прогудел рядом голос Бобра. – Только появился недавно у нас – а уже столько происшествий. Еще и пираты были, пока ты в каюте валялся, приходил в себя.

Спрут и уродливая рыбина – действительно, слишком много для нескольких дней. Постепенно сердце перестало скакать как ополоумевшее, а дрожь ушла. Ган дышал все еще часто, но уже спокойнее. Он вспомнил беседу с Натуралистом, когда тот назвал его «дитя тумана». Он ведь и правда появился будто из ниоткуда и совершенно ничего не помнит. Что, если в этом сошедшем с ума мире возможно и такое? Что, если он – порождение этой тьмы?

Мужчина поморщился. Бредовые мысли приходят в голову, когда был на волосок от гибели. Гнать такие надо на хуй. Мало других забот ему, что ли?

– Это не ко мне тварей манит, это от вас дурно пахнет, вот они, как на падаль, и плывут – мясо халявное получить, – огрызнулся он запоздало. – А тут я им, как назло, попадаюсь. Еще и пытаюсь уколоть булавкой своей, – он кивнул на нож. Не нож, а одно название. И только сейчас озарило – у него же в колоколе гарпунное ружье было!

Мужики удивленно обернулись, когда услышали трехэтажный мат, не прекращавшийся с минуту, а то и больше. Заухмылялись, довольные.

– Правильно, не держи в себе, – сказал кто-то.

А когда он им объяснил причину, загоготали.

– Ну, ничего, хоть не обосрался от страха – и то хорошо. Вон, все остальные сразу повыскакивали из воды как ошпаренные – им точно надо штаны проверить. А ты молодцом!

Бобр распорядился вытащить бочки с уловом в контейнерах чуть позже, когда уйдет эта тварь. Рыба то и дело показывалась над водой – выглядело это устрашающе. Иззубренный плавник рассекал воду, костяные наросты

вспенивали жидкость. Тварь бесновалась, но понемногу успокаивалась – объект, раздражавший ее под водой, скрылся на судне. А в пустом загоне делать было нечего. Стоящие бочки интереса у рыбы не вызвали.

– Если не сбежит из загона, расстреляйте ее гарпунами, – отдал указание Бобр, разглядывая силуэт монстра в воде. – Надо еще сегодня успеть залатать сетку, скрутим ее проволокой, да покрепче.

Он похлопал Гана по плечу на прощание.

– Иди к себе, отдохни. Такие ситуации выматывают похлеще заплыва на пару-тройку километров. Не физически – морально опустошают. Уж я-то знаю, о чем говорю, – Бобр приподнял майку и показал на спине уродливые шрамы. – Тоже одна рыбка цапнула.

И он ушел, растворился в зеве, ведущем в помещение цеха.

Остались двое работников, они трепались о чем-то, не обращая внимания на сидевшего неподалеку Гана. Сначала он думал о своем, а потом до него стали долетать обрывки разговора:

– В Джубге… где еще?..

– А я слышал, такие только в Туапсе бывают… – гундосил второй.

Они явно вспоминали побережье, тоскуя о потерянном когда-то или о приключениях, случавшихся в упомянутых местах. Но Гана вдруг будто током ударило. Голова снова заболела, как несколько дней назад. Перед глазами ясно всплыла картина, четкая, словно резкость настроили в стареньком телевизоре.

Холод от сырой земли разливается по телу. Ждать долго в засаде на возвышении посреди камней – то еще удовольствие. А если от сырости и холода занемеют руки, то есть шанс «завалить» выстрел. Но лучше места в округе не найти – до дозорной башни далеко, высокая, буйно разросшаяся трава скрывает меня с СВД, схоронившегося у здорового валуна. Кривое бревно служит упором, еще не хватало, чтобы ствол повело в самый неподходящий момент.

Низко висящие тучи над холмами почти цепляются за их вершины, свинцовое небо давит своей угрюмостью, грозится смыть всех глупцов, осмелившихся оказаться без укрытия здесь, недалеко от побережья мертвого Черного моря. Хотя некоторые адепты Южного Рубежа называют его Понтийским, а пираты – Сугдейским, намекая на древнее название Судака. Один хер, как его ни назови сейчас, гостеприимнее оно не станет. Вдалеке кричат орланы, возможно, в предвкушении добычи.

Черт его знает, сколько еще мне здесь торчать. Шлюха из таверны «У Красного водопада» под Туапсе рассказывала, что мой клиент будет следовать сегодня утром этой тропой, направляясь в Заречье по какому-то личному таинственному делу. Настоящая находка для тех, кто ценит и умеет использовать информацию – я ее даже ни о чем не спрашивал, просто болтала обо всем, что узнала от своих посетителей, все глубже погружаясь в дурман от некачественного кальяна на сомнительных травах с холмов Джубги, которыми промышляют местные торговцы. Дури, одним словом. И очень популярной у местного населения. Я же предпочитаю держаться от такого подальше – для моих дел нужны ясные мозги. Посетители и шлюхи в барах побережья знают всегда больше всех, надо только уметь отделять зерна от плевел, распознавать, где раздутые слухи, а где факты.

Крики орланов становятся громче, и скоро я понимаю, чем они встревожены. Из-за поворота тропы показывается человек. Возможно, он идиот, что идет без какого-либо сопровождения, возможно, дело у него действительно настолько тайное, что не требует свидетелей. А может, он вполне способен сам постоять за себя, тем более, здесь не пролегают караванные тропы, поживиться нечем, а значит, нет и мародеров. Человек высок, широк в плечах, за спиной болтается на ремне дробовик, а за пояс заткнут широченный самодельный нож, смахивающий на грубую подделку под мачете. Я жду, когда он подойдет еще метров на сто, главное – не выдать себя, а то жертва скроется в высокой траве, прыгнет за один из камней, щедрой рукой природы раскиданных на склоне, и попробуй потом поиграть в догонялки. Да и ролями охотник и жертва могут поменяться. Человек идет, лениво отмахиваясь от надоевшей мошки – насекомые еще не избавили побережье от своего присутствия до следующего года, хоть и стало их уже заметно меньше. Тонкие пряди налипли на лоб, грудь тяжело вздымается и опадает – ночь в баре не прошла даром.

Локоть, упирающийся в землю, противно ноет – от холода и от ожидания. Но сейчас нужно сосредоточиться. Указательный палец ложится на спусковой крючок, сливается с ним в одно целое; я задерживаю дыхание на выдохе и

плавно нажимаю; исцарапанный приклад толкает в плотно прижатое плечо. Хлопок вряд ли слышен за три сотни метров, которые разделяют меня и жертву, глушитель гасит звук, гильза падает на ковер из примятой травы. Пуля калибра 7.62 ввинчивается в сырой, плотный воздух и отправляется на свидание со своей жертвой.

Глава 5

Улей

Еще один кусочек мозаики нашелся. Эти картинки, неожиданно всплывающие в уме, явно что-то значили. То ли память пыталась ему напомнить о чем-то важном, то ли промелькнула перед глазами сцена из кинофильма, который он когда-то смотрел. Варианты были разные, никто, кроме него, не ответит на эти вопросы. Но в голове прочно обосновался туман, не желающий сдавать позиции. Мгла внутри, мгла снаружи. Остался лишь небольшой пятачок свободного пространства. В своем внутреннем мире он – такой же корабль, как этот танкер, застрявший посреди океана забытья, посреди хаоса.

Ган промаялся почти всю ночь. Утром приплелся на работу с кругами под красными глазами. Бобр взглянул, покачал головой и выгнал из цеха:

– Нам здоровые люди нужны, вали спать.

Все думали, что Ган переживает по поводу происшествия с рыбой, но он даже не вспоминал о ней. Рыба как рыба, пусть выглядит, как монстр, но ей есть объяснение. А его видению – нет. Как будто ему дали почитать книгу, а он прочитал только кусочек главы из середины и пытался теперь понять весь сюжет.

Бездельничать не хотелось, Ган пытался вяло сопротивляться – два раза проникал в цех. Тогда Бобр дал ему промасленный сверток с отремонтированным обрезом и велел прогуляться в первый резервуар, где находились жилые отсеки и обитали люди, переселившиеся некоторое время назад с лайнера.

Не дают поработать за станками – хоть поручение выполнит, справедливо рассудил он. Появилась цель, квест. Куда проще – отнести передачку неизвестному лицу. Даже огрызок бумаги сунули – акт о выполненной работе, в котором должен расписаться получатель. Скорее, дань прошлому, чем необходимость. Потом этой бумажкой только жопу подтереть, ни на что другое она не сгодится.

Ган пересек палубу баржи, а затем пробрался по мостику, связывающему два судна, на танкер. Мостик выглядел надежно, еще ни разу, по уверениям местных, его не приходилось чинить после шторма или по причине изношенности материалов, из которых построили переправу. Немного качался при сильных порывах ветра, но не более того. Хорошо, расстояние было не таким большим – баржа и танкер стояли рядом, а то без промежуточных опор было бы уже сложнее построить, а для них необходимо было оборудование посерьезнее, чем имелось в Черноморье.

С двух краев были закреплены пилоны, между ними натянуты тросы и цепи, к которым крепилось полотно моста. Для жесткости использовали также длинные металлические шесты, чтобы исключить сильную качку. К этим же шестам прикрутили ограждения моста – еще не хватало, чтобы кто-то свалился вниз.

Мужчина не особо торопился, уже смирился с тем, что Бобр не пустит его на рабочее место, и если он быстро смотается и отнесет заказ, то опять будет слоняться без дела. Поэтому не спеша прогуливался вдоль палубы. Первый резервуар находился практически на носу, так что время было. Срочность начальник цеха не обозначил.

Сегодня море было самым спокойным за все время нахождения Гана в Черноморье. Стоял почти полный штиль. Вода была похожа на мутное, зеленоватое зеркало. Очень четко отражались надстройки танкера и фигурки людей у бортов. Мужчина глянул вниз – вон он, человек без памяти, отражение смотрит снизу, в точности повторяя все за ним. Человек без дома, нашедший приют у добрых людей. Отвел взгляд от воды, решился, глянул прямо и немного с вызовом.

– Ну, здравствуй, туман, – прошептал зло сквозь зубы, – чего тебе от меня надо?

Туман был далеко, не отозвался, остался недвижим. Сегодня он не казался мрачным, как в хмурую погоду, скорее, белесой дымкой, мягко укутывающей свою территорию. Лайнер был виден четко, почти целиком. И не подавал признаков жизни. Даже издали было заметно, что ничего человеческого там не осталось. Те, кто переселился на танкер с лайнера, старались о нем не говорить и делали вид, будто всегда были здесь – с того момента, как газовоз сел на мель. Переселение было похоже на бегство, так рассказывал один из команды танкера, но скорее всего, просто нагнетал краски, так как любил потрепаться. А по факту, пассажиры лайнера просто захотели под защиту более опытной команды, еще и вооруженной.

– Если это ты поселился в моей башке, то тебе не справиться с моим рассудком, – продолжал Ган, обращаясь к туману, – я выселю тебя оттуда рано или поздно.

Проходивший мимо черноморец толкнул его плечом, он резко развернулся, но прохожий уже извинялся, мол, случайно, просто вышло так, оступился. «И чего я так злобно посмотрел на него? – недоумевал Ган. – Он же ничего мне не сделал, видно же, не специально. А я уже хотел толкать в ответ». Внезапный приступ злости быстро сошел на нет.

Он продолжил путь к первому резервуару и скоро оказался у входа в жилые помещения. В народе их прозвали «Улей». Внутри они действительно отдаленно напоминали соты, которые соединялись между собой маленькими лесенками и мостиками. Прямо от главного входа в резервуар начинались ступеньки на второй этаж. На первом в основном было открытое пространство – там проводились собрания, находился вонючий бар – людям ведь тоже надо культурно отдыхать после работы, иначе жить совсем тошно станет.

Ган поднял глаза. Голова закружилась от этого огромного купола и снующих под ним людей. Как муравьи, те бегали с одного этажа на другой, стоял шум и гвалт, где-то в глубине этого хаоса плакал ребенок, тут же самоучка-бард перебирал струны дешевой, исцарапанной гитары. Мужчина вздохнул. Надо было пробираться на седьмой этаж по этим не заслуживающим доверия хлипким мосткам и лестницам.

На одних этажах ограждения были, а на других напрочь отсутствовали, но все ходили без страха по самому краю. Сразу было заметно, что строилось все наспех, о геометрии линий позабыли, всем хотелось отжать себе угол. Хижины лепились как попало и были построены из чего попало. То одна на другой, то

нависая на шестах над колодцем-провалом, а кое-где и гамаки на ремнях с натянутым вверху брезентом заменяли черноморцам жилища.

«Да уж, повезло, что отжал пустую каюту», – подумалось Гану.

Седьмой этаж. Как тут различить, где заканчивается один и начинается другой? Ган никак не мог понять эту бессистемную систему. Пришлось спрашивать у местных. Те указали ему на цифры, написанные на стене резервуара через примерно равные промежутки вдоль всего периметра.

Если стоишь напротив цифры «7», значит, это то, что тебе нужно, – сказали ему.

Ган поблагодарил и полез дальше. Не единожды приходилось переступать через спящих, однажды сдуру залез в чье-то жилище, посчитав, что это просто коридор перед ним. Оттуда ругнулись, послали по матери, он отпрянул, забормотал извинения.

Улей поглотил мужчину, всосал в себя, ему уже стало казаться, что он вечность бродит тут. Несколько раз он снова оказывался там же, где проходил пять минут назад, – просто не туда сворачивал. Мостки под ним скрипели протяжно и уныло, они знали десятки ног и бессчетное число шагов. Кто по ним только не топтался – и стар, и млад, женщины и мужчины, даже дети встречались.

Времени прошло немало, прежде чем заветная цифра этажа указала, что он добрался. «Теперь хоть двигаться в одной плоскости, не скакать по лестницам», – подумал Ган и побрел по этажу. Спросил с дюжину человек по пути и наконец оказался у нужной «двери», представлявшей из себя полог из резинового коврика.

– Есть кто? – громко произнес Ган.

По ту сторону заворчали. Волосатая рука отбросила полог в сторону, и из хижины вылез мужик средних лет с сальными волосами. Одет он был в грязнущую майку-алкоголичку и рваные вельветовые джинсы. Ноги босые. Не ходить же дома в обуви.

– Михалыч? – Бобр поделился только отчеством клиента.

Тот кивнул.

Ган сунул ему в руки сверток. Михалыч почесал одну ногу о другую, резво развернул тряпку. Перекинул обрез из одной руки в другую, надломил, зачем-то заглянул в дуло.

– Добро, как новенький.

Ган не стал ничего уточнять, ему вообще хотелось свалить побыстрее отсюда. Сунул лишь клиенту огрызок бумаги со сточенным карандашом. Михалыч послюнявил его и вывел закорючки. Бумажка перекочевала обратно. На том и расстались.

Дорогу он не запомнил, тут и захочешь – не сможешь это сделать. Покружил по этажу, нашел лесенку. Спускаться было стремно, приходилось глядеть вниз, чтобы не полететь, сшибая своим телом эти постройки.

– Высотка, бля, многоквартирный дом, нахуй, – бросил он в сердцах, – шедевр постъядерной архитектуры.

На пятом этаже вообще застрял. Ходил-ходил кругами, психанул, решил отдохнуть и присел на перевернутый тазик. Перевести дух толком не получилось. Тут же нарисовалась бабка и выдернула из-под задницы столь удобно подвернувшийся импровизированный табурет.

– Чего расселся на чужом имуществе? Шароебишься тут, шагай в свой двор и там сиди.

Хотел было ответить грубо, но сдержался. Встал, зыркнул исподлобья, двинулся дальше.

– Может, помочь чем? – Неожиданный новый голос заставил обернуться. Возле приземистого строения из натянутых простыней, картона и фанерных щитов заинтересованно глядела девушка. Не красавица, но вполне миловидная. Сколько лет – с ходу и не скажешь, двадцать пять, тридцать, да и не важно. Одета в выцветшую бесформенную футболку и камуфляжные штаны. Светло-русые волосы стянуты в тугой хвостик, смешно морщит лоб. А губы… пухлые и

слегка приоткрыты.

– Выход ищу, э-э-э, спуск, как тут правильно называется? Короче, вниз мне надо.

Она покрутила в руках цветной платок, вытянутый из заднего кармана, уронила. Посмотрела хитро на Гана и наклонилась за ним. Подхватила тряпицу, а футболка сползла как бы невзначай, оголяя плечо с ключицей. Соблазнительно! Мужчина чуть не облизнулся, но сдержался.

Пухлые губы слегка улыбнулись.

– Отдохнуть не хочешь? Потом выведу тебя отсюда.

Девушка снова наклонилась – поправить язычок на ботинке. В растянутом вороте футболки была видна почти вся грудь – налитая, с большими темными сосками. Она посмотрела на него снизу вверх, подмигнула, прекрасно понимая, что он все видит, и ничуть этого не стыдясь.

А затем махнула призывно, приглашая в свою хибарку.

Ган не стал раздумывать, шагнул в темное, пыльное жилище со сваленными в углу плошками, посудой, одеждой – все вперемешку. В двух метрах от него расположилась лежанка, были даже одеяло и подушка.

Девушка ловко стянула футболку и легла на одеяло. Призывно раздвинула ноги, но штаны снимать пока не стала. Во мраке комнаты она казалась красавицей. Ган неотрывно смотрел на голую грудь, внизу живота зашевелилось.

Кольнуло в висках, и в мыслях он очутился в другом месте, память выкинула из тумана очередной кусочек пазла.

Полупрозрачная занавеска из органзы – яркая, алая, в затяжках. Где-то вверху вспыхивает сорокаваттная лампочка, мигает заговорщически, словно она – мой партнер по делу, поддерживает меня и придает сил. Но по факту – только раздражает. Скамья, изодранная, будто саблезубик поточил о нее свои когти. На стене – выцветшая репродукция Рембрандта «Даная», выдранная из какого-то

журнала или из книги по искусству. Но еще можно различить, как обнаженная женщина все так же тянет руку к свету, вглядывается в него, а по ее лицу разливается безмятежность. За тяжелым пологом в углу комнаты, на двуспальной, сколоченной из чего попало кровати угадываются очертания женского тела на накиданных в беспорядке одеялах. Тихо скрипит заводной проигрыватель – роскошь современного мира. Но Роксана всегда особое внимание уделяла обстановке, умудрившись из говна и палок со вкусом обставить небольшую комнату в трактире на втором этаже. Роксана… Златовласая дева, по которой сходит с ума добрая половина холостых и женатых мужчин округи. Не только дама, обладающая пышными формами, но и крайне интересный собеседник, с которой можно поболтать не об одной лишь погоде. Шлюха, элитная шлюха, которая не каждому по карману, еще и выбирающая сама, с кем трахаться, а кого гнать с порога ссаными тряпками. Сколько же воспоминаний, теплых и приятных, связано с тобой, Роксана!.. Умеешь же ты дарить радость и удовольствие счастливчикам с «монетами» за пазухой.

– Ган?

Я откидываю полог и любуюсь ее телом, будто сотканным из всего лучшего, что осталось в этом мире.

– Я всегда узнаю тебя по походке, – улыбается она томно.

Роксана садится в кровати, опираясь на руку, ее груди покачиваются, упругие, налитые, с нежно-розовыми ореолами сосков. Она сводит ноги и проводит ладонью по животу, медленно опускаясь ниже.

– Как же хорошо, что это ты, верный солдатик Кардинала. – Она смеется, ярко и заливисто, а вместе с ней смеется и поет ее гладкое, смугловатое тело, созданное для любви.

– Я не солдат Кардинала. – Мне не нравится сравнение, хотя оно недалеко от истины.

– Ладно, агент, – Роксана кивает, – тайный агент и убийца. Знаю-знаю. Я все знаю.

– Вот это и плохо, – вздыхаю я, – есть секреты, которые должны оставаться секретами.

Она перестает улыбаться, глядит с подозрением.

Я продолжаю:

– Два дня назад у тебя был один тип приятной наружности, с аккуратной бородкой, не из наших. И явно не бедный. Возможно, вы много выпили, возможно, употребляли дурь… ты ведь очень много знаешь, золотко, у тебя бывают авторитетные люди, которые болтают лишнее, среди них и люди Кардинала, не самые последние в его окружении… Роксана, Роксана, не стоило этому залетному щеголю ничего рассказывать. Вон как оно все получилось…

Я вздыхаю и смотрю, как меняется выражение ее лица, как рука сжимает простыню, стискивает так, что даже в полумраке видно, как белеют костяшки пальцев.

– Прости, златовласка, – как можно нежнее говорю я, пряча за словами неожиданное щемящее чувство в груди, – обстоятельства такие, понимаешь? Ты должна была держать язык за зубами. Это просто политика, грязная, перемалывающая людей, плюющая на все сука-политика…

Она не сразу понимает, а мне не хочется торопиться, внутренне я просто надеюсь, что она будет способна – нет, не на оправдание, а хотя бы на осознание того, что у меня просто нет выбора. Что если не я, то может быть еще хуже. Гондонов у Кардинала предостаточно – таких, что любая жертва предпочтет быструю смерть тому, что они ей предложат взамен.

– Прости, златовласка, – снова повторяю я, как мантру, два слова, будто так станет легче, будто раскаяние всего гребаного мира обрушится на наши плечи.

– Ган? Я убегу, дай лишь шанс, немного времени.

Я качаю головой:

– Ты не выберешься из города и пожалеешь, что осталась жива.

– Я сделаю это быстро, – после паузы длиной в вечность внезапно пересохшим голосом хриплю я. – Пожалуйста, повернись лицом к стене.

– Ган?!

– Пожалуйста. Ты знаешь, выхода нет.

– Увидимся в другой жизни, – сквозь слезы шепчет она, – ты никогда не искупишь свои грехи.

Выстрел. По стене расплывается алое зловещее пятно, клякса, которую хочется вытереть, отмыть тряпкой с мыльным раствором. Я знаю, что эта картина навечно останется со мной, как и много других, подобных ей, в душе эту кляксу не отмыть никогда. Роксана медленно оседает на кровать, заваливается набок, и ее застывшие глаза с болью и укором в последний раз заглядывают в мое нутро, пробирая до озноба.

Ган замахал руками и попятился, споткнулся о ведро у входа, оно загремело по полу, рассыпая полусгнившие овощи. Чертыхаясь, мужчина выскочил из жилища, озираясь как бешеный.

– Ты чего? – Она стояла на пороге, замусоленной тряпкой прикрывая грудь. – Голых сисек не видел, что ли?

Ган вылупился на нее, как на прокаженную. Смотрел в упор и не видел. Перед глазами застыла совсем другая картина: забрызганная кровью шероховатая стена.

Он и не понял, как очутился возле выхода из первого резервуара – шагнул на палубу, прислонился лбом к стенке. Металл в тени был прохладным, немного отрезвил его, привел в чувство.

– Сука, – погрозил мужчина кулаком непонятно кому. То ли туману, то ли себе, то ли девушке из Улья. А длинный день только расцветал, и до заката было еще далеко. Море продолжало шевелиться лениво, будто находясь в царстве Морфея.

Глава 6

Пираты

Ган сидел за барной стойкой, составленной из металлических бочек. Он все-таки вернулся в Улей, в первый резервуар. Вернулся потому, что остро захотелось выпить чего-нибудь крепкого, а это было единственное место, где наливали. В бар он заглянул на следующий день после работы – Бобр позволил ему вернуться в цех. Здесь было немноголюдно, да и выбор напитков оставлял желать лучшего. Над головой, на втором этаже, ходили, стучали по настилу, бухали башмаками и шаркали самодельными сандалиями из резины, это раздражало. Ему бы уединиться, не видеть лиц, но в каюте спокойнее не было. Куда-нибудь на воздух бы с бутылочкой крепкого. И чтобы люди были, но в отдалении, не беспокоили.

Бутылочка хорошего крепкого в баре Улья стоила целое состояние. Столько Ган еще не заработал в цеху. За дневную смену платили один кусок медной проволоки. Толстая проволока, нарезанная равномерно на кусочки, была основной валютой в Черноморье за неимением ничего более подходящего. Баржа перевозила много проволоки, поэтому запасы были.

За бутылку коньяка сомнительного бренда, стоящего на полке за спиной бармена, пришлось бы отвалить ни много ни мало а шестьдесят кусков проволоки – его двухмесячную зарплату. При этом не было никакой уверенности, что в стеклянную тару не налита бормотуха, подкрашенная чаем или красителем.

Стоял и виски, за бутылку которого пришлось бы отработать полгода на барже. Односолодовый «Гленфиддик», и в прошлой жизни обошедшийся бы в приличную сумму. А всякое безымянное пойло, разливаемое из пластиковых бутылок, стоило в десятки раз дешевле.

Пойла Гану не хотелось, он пересчитал в кармане кусочки меди. Выходило, что мог себе позволить рюмку-другую не самого плохого напитка.

Он ткнул пальцем в нижнюю полку, где красовались полупустые бутылки отечественных и почти отечественных напитков.

– Плесни армянского.

Десять «медяков» легли на стойку, звякнули о металл, рассыпались.

Бармен сгреб, не глядя. Наверное, быстро умел считать. Вытянул пробку из бутылки, выбрал из стаканов, стоящих пирамидкой в углу, более-менее чистый, понюхал его, остался доволен. Налил на два пальца и подвинул посетителю.

– Что-то не припоминаю тебя, а память не подводила раньше. Первый раз в баре, что ль?

Гану не хотелось рассказывать свою историю – как его нашли местные, вытащив из воды, как он потерял память. Поэтому он просто кивнул и ответил:

– Первый раз.

Карамельная жидкость в стакане с непривычки шибанула в нос. Но терпкий запах спустя минуту сменился мягким древесным ароматом. Ган аж зажмурился от удовольствия. Он понятия не имел, пил ли такое когда-либо и выпивал ли раньше вообще. Но запах что-то навеял. Мужчина сидел и ждал, что вот-вот память очухается и воскресит какое-нибудь событие – как он с друзьями или в одиночестве потягивал виски уютным вечером. Но хера с два!

Ган глотнул из стакана – с душой, выпив почти все. Горло обожгло, по телу разлилось приятное тепло. Виски отдавал дубом, свежей травой и нотками груши. Показалось даже, что похож на настоящий. Стало чуть спокойнее на душе, но вряд ли то успел подействовать алкоголь, да и объем выпитого не позволял захмелеть. Просто картина была успокаивающая: солидный бармен натирает ту немногую посуду, которая у него есть. Рядом – никаких выпивох, соседние стулья пусты, никто не лезет в душу, не болтает о глупостях.

Пересчитал «медяки», на вторую порцию не хватало. Он тоскливо посмотрел на бутылку, бармен заметил этот жест, взглянул на его руку.

– Сколько там?

– Пять.

– Давай сюда, налью вторую за полстоимости. Только смотри, в качестве исключения.

Опрокинул очередные пятьдесят грамм в стакан. Может и поменьше даже, на глаз.

– Откуда достали? – Ган обвел рукой полки.

– Что-то с лайнера осталось, что-то с берега, когда еще под ними были. Редко пьют то, что подороже. Вот и стоит. В основном просят сивуху местную, которую сами гнать научились. А ты, я вижу, разбираешься?

– Просто не хотелось, чтобы башка наутро трещала, и травануться неохота вашей разбодяженной херней.

Бармен насупился.

– Хоть и сами ее гоним тут, но по всем правилам, не звезди о том, чего не знаешь.

– Ладно тебе, – примирительно сказал Ган. – Не хотел обидеть.

Второй стакан зашел еще лучше. Он просто сидел, расслабившись, ни о чем не думая. Уже не беспокоил топот наверху, сделался немного тише. Сейчас вообще все его переживания казались пустяком, даже бредом. Переутомился небось, почудилось всякое, с кем не бывает. Слишком неправдоподобно – какая-то шлюха, какой-то агент, млять, мужик в прицеле винтовки. Ересь! Какой, на хуй, агент?!

Сзади раздался скрип, Ган медленно обернулся. Скорее всего, новые посетители пришли. Но никого не было, только покачивалась дверь, которую он раньше не приметил. «От сквозняка, наверное». Может, это был ход на склад или там жил бармен. Но неожиданно эта дверь в баре заставила его кое-что вспомнить.

– Кто же ты, парень в маске?

– Я тот, кто пришел по душу Палача, – я киваю на неприметную дверь, ведущую в подсобку, – а маска – всего лишь твой билет в этот мир. Пока на мне маска, ты остаешься живым.

Бармен хмыкает и продолжает натирать алюминиевые гнутые кружки грязной, вонючей тряпкой.

– Не понимаю, о ком ты говоришь. Это мое заведение, и я тут один.

– Говорят, если человек лжет, он не смотрит в глаза. Но ты отменно научился лгать.

– Слушай, я уже прилично пожил на этом свете, всякого говна повидал, ты можешь меня убить – даже сделаешь мне одолжение. Но одно тебе скажу: мой бар – не убежище для изгоев, бомжей или преступников. Ты ошибся дверью и адресом, парень.

Я вижу, как его рука плавно ныряет под стойку. Что у него там? Ствол? Как быстро сможет он вскинуть руку и выстрелить? Вряд ли он станет стрелять сквозь мощную деревянную стойку. Пару минут мы играем в гляделки, изучаем друг друга. Мой ствол против его возможного ствола, моя реакция против его реакции. Два неизвестных в уравнении.

– Ладно, – похоже, он сдается, – Палач был когда-то здесь, но я его выгнал давно, я больше не сдаю ему комнату. Он – нежеланный гость в этом заведении.

Я поправляю свободной рукой немного съехавшую в сторону маску – обычная пидорка с тремя прорезями для глаз и рта, натянутая до подбородка.

– Уже лучше, а говорил, что не понимаешь, о ком я.

– А я должен всем незнакомым сливать информацию?

– Ну, слил же в итоге, или я знакомым стал? – Я не свожу глаз с оппонента, слежу за мельчайшими его движениями.

– Аргумент в руке убедительный.

– Значит, я могу проверить? – киваю на дверь в подсобку. – И там никого не будет?

Бармен кивает. Не очень уверенно, на мой взгляд.

– Тут такое дело, тебе придется оторваться от своего увлекательного занятия и выйти ко мне, сюда. Как-то нет желания разворачиваться к тебе спиной.

Бармен смотрит на меня, минута тянется, как бесконечность, песчинки в часах времени падают медленно, намного медленнее, чем хотелось бы. Затем он неторопливо выходит из-за стойки. Руки у него пусты, он демонстрирует ладони, я вижу, что на правой руке не хватает одного пальца.

– Встань здесь, – я тыкаю стволом в столик напротив подсобки. Бармен нервно перемещается туда, куда я указал. Его уверенность и наглость тают на глазах, растворяются в полутемном помещении бара.

– Да не ссы, чего боишься, не трону. Проверю и сразу уйду. Ну-ка, открой дверь.

Бармен затравленно смотрит на меня. Для убедительности я направляю ствол ему в грудь.

– Открой, мать твою, дверь.

Лицо его белеет, губы начинают дрожать. Он пытается что-то сказать, но потом разворачивается и движется к подсобке, а затем рывком открывает дверь.

Выстрел. Летят щепки, перекошенное в немом крике лицо бармена запрокидывается назад, его грудь разрывает крупнокалиберной дробью.

– Сука!

Я успеваю выстрелить два раза поверх его плеча в темноту подсобки. «Макаров» выплевывает свинец равнодушно и немного брезгливо, с глухим чавканьем пули входят в того-кто-прячется-в-темноте. Сдавленный стон. Я отбрасываю в сторону тело бармена и врываюсь в пыльную каморку, здесь на тряпье корчится человек. Даже во мраке видно, что это Палач.

– Ну, здравствуй, – говорю я ему. – Пламенный привет от Кардинала, подвел ты его.

Хлопок выстрела, и Палач навсегда затихает, пуля прекращает мучения предателя Тайной Канцелярии, зачинщика недавнего бунта против Южного Рубежа.

Сейчас не было никакой паники. Коньяк подействовал успокаивающе. Все показалось таким обыденным, как будто так и должно было быть. Посмотрел еще один кусочек «кино» и пошел дальше по своим делам. Даже думать о нем не стал – задолбало. Ган еще побродил по палубе, сгонял до одного рабочего из цеха и занял у него «медяков». Пообещал скоро отдать. Затем догонялся в баре – уже дешевым самогоном. Трепался о чем-то с барменом и еще одним посетителем, который пришел позже. Сам и не заметил, как подошло время закрытия. Ночью бар не работал, все-таки жилые помещения рядом, народу надо спать – кому на работу утром, у кого другие дела.

Потом снова была палуба, туман подошел почти вплотную. Но Ган смело взглянул на него, показал неприличный жест и загоготал, довольный. Сейчас и море было по колено, и живность в нем не пугала, и туман был просто туманом и ничем больше.

Голова болела, но терпимо. Он был хмурым с утра, и механическая работа по заделке небольшой течи на барже пришлась как нельзя кстати. Течь устранили, воду вычерпали. Хоть затонуть баржа и не могла – сидела на банке давно. Но лишняя сырость в помещениях не нужна, появится плесень попробуй ее выведи. Тем более тут стояла часть цистерн, в которых хранилась питьевая вода. Пресная вода была на вес золота, раньше поставляли с побережья, но сейчас поставки прекратились по известным причинам. Запасы еще оставались, но быстро таяли. Скоро понадобится плыть к берегу, и желательно подальше от

поселений, входящих в состав Южного Рубежа. Можно нарваться на вооруженный патруль. Собирали и дождевую воду – натягивали парусину и брезент, выставляли на палубу бочки, когда с неба капало.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перила, поручни.

2

Бить склянку – означает бить в колокол каждые полчаса.

3

Сесть на банку – сесть на мель.

4

Бакштов – трос, который выпускают за корму стоящего судна. К нему привязываются обычно лодки, катера.

5

Анкерок – бочонок, в котором хранят пресную воду или другую жидкость, припасы.

6

В данном контексте обыгрывается английское слово «gun», которое переводится как «ружье». «Gun» произносится так же, как имя героя.

Купить: https://tellnovel.me/ru/lebedev_viktor/metro-2035-chernomor-e

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить